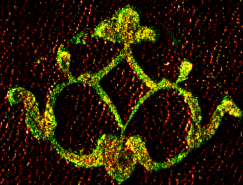

БЕРДАХ

Б 48 ✓

БЕРДАХ

ИЗБРАННОЕ

Перевод с каракалпакского
Н. ГРЕБЕНОВА

1989 г.

Экз. № 1085 г.

БИБЛИОТЕКА
К-К Государственного
Инв. № 1085
1989 г.

КАРАКАЛПАКСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
НУКУС—1988

963057

118968

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бердах (Бердимурат), сын Каргабая (1827—1900)—крупнейший представитель дореволюционной каракалпакской поэзии. В его многочисленных лирических произведениях, поэмах широко отражена социально-общественная жизнь каракалпакского народа XVIII и XIX веков. Как поэт-демократ Бердах оценивал события и общественные отношения своего времени с передовых народных позиций, проводил в своих произведениях идеи равноправия, гуманизма, справедливости, патриотизма.

Через все творчество Бердаха проходит тема угнетенного положения народа. В стихотворениях «Не было никогда», «Налог», «В нынешнем году», «Моя жизнь» и во многих других Бердах, показав ужасную жизнь трудового человека, безудержный произвол эксплуататорских классов, стал певцом народного горя. Но он не оставался беспристрастным страдальцем. В стихотворениях «Лучше»,

«Нажется», «Налог», в поэме «Хан-самодур» и др. поэт с жгучей ненавистью бичует эксплуататоров, резко осуждает социальное неравенство, общество, порождающее деспотизм и тиранию богачей. Поэт призывал людей бороться за счастье народа, хотел видеть борцов, готовых отдать жизнь за народ, верил в борьбу («Для народа», «Мне нужны» и др.). В отдельных поэмах, посвященных историческим темам («Амангельды», «Ерназар-би»), Бердах воспел героев, восставших против ханов, и поставил их в пример своему поколению.

Поэт, хотя и не был сторонником коренной ликвидации религии, срывал маску с лиц святош, которые при помощи религии обманывали и эксплуатировали народ («Лучше», «Нажется» и др.). Бердах воспевал труд («Лучше»), выступал в защиту женщин («Невестка», «Не задумывайся»), призывал молодежь любить Родину, овладевать знаниями («Смну», «Не будь глупцом»).

Наиболее характерные черты творчества Бердаха — это изображение тяжелой жизни народа, беспощадное разоблачение эксплуататоров (ханов, баев, биев, ишанов, ахунов, мулл и т. п.), воспевание счастливого будущего народа. Разнообразие и широта тем, богатый народный язык, совершенство поэтических форм стиха, а главное глубокое идейное содержание, народность и демократизм, правдивость и гуманизм произведений Бердаха, об-

рамленные гражданской смелостью поэта, составляют ценность бессмертных творений великого поэта каракалпакского народа.

В своих поэтических рассуждениях, во взглядах на жизнь Бердах поднимался до больших философских обобщений: он видел угнетение бедных и, как народный поэт, скорбел о жизни народа, он знал причину страданий народа, поэтому направлял свой гнев против эксплуататоров, он мечтал о счастье народа, о «справедливой эпохе», поэтому воспевал героев — сынов народа. Но Бердах, как сын своего времени, не видел и не мог видеть (в силу общественно-экономических условий жизни каракалпаков прошлого века) революционного пути освобождения народа, во взглядах на борьбу он стоял на стадии стихийного протеста против социального неравенства. Воззвание к помощи бога («Помоги нам»), желание искать счастье повсюду («Я искал»), мечта о справедливом правителе («Мне нужны»), смелая мысль об уничтожении эксплуататоров («Хан-самодур») — вот поиски Бердахом путей улучшения участи угнетенных, стремление ответить на вопрос, как добиться счастья для народа.

✓ Творчество Бердаха проникнуто горячей любовью к трудовому народу, вся жизнь поэта была образцом служения народу, поэт страдал вместе с народом, жил для народа и умер как народный поэт. Прав был он, когда говорил: народ и Бердах любят друг друга

так, как мать любит своего единственного сына, прав был он, когда ждал хороших времен, когда верил в жизненность своих стихов.

Произведение Бердаха «Хан-самодур», «Для народа», «Лучше», «Налог», «Не было никогда», «Лето придет ли?», «Кажется» и т. п. являются жемчужинами каракалпакской поэзии.

Своим большим творчеством, идейностью и художественностью своих творений, Бердах занимает почетное место в истории каракалпакской литературы.

Произведения Бердаха стали переводиться на русский язык только в советское время, со второй половины 30-х годов. В альманахе «Возрожденный народ» (1940 год) был помещен ряд стихотворений Бердаха. В дальнейшем произведения поэта стали появляться на страницах газет, журналов, но отдельным сборником произведения Бердаха на русском языке впервые были изданы в 1951 г. (Бердах, «Избранные произведения», Ташкент, 1951 г. Перевод Н. Гребнева и А. Волкова). Это явилось знаменательным фактом, так как русский читатель еще мало был знаком с творчеством одного из больших поэтов Средней Азии — Бердаха.

Громадно значение данного сборника, посвященного 130-летию со дня рождения поэта. Если в первое собрание сочинений Бердаха на русском языке вошли только 17 стихотворений, то в этот сборник включены 32 про-

изведения поэта, в том числе замечательная поэма «Хан-самодур». По объему, по отбору произведений для перевода, по качеству переводов предлагаемый вниманию читателей сборник стоит намного выше, чем предыдущий сборник издания 1951 года.

Включение в «Избранное» таких произведений, как «Хан-самодур», «Для народа», «Лучше», «Налог», «Лето придет ли?», «Кажется», говорят о том, что в сборнике представлены наиболее характерные произведения Бердаха, а первый перевод поэмы «Хан-самодур» — ценный подарок для русского читателя.

Поэт-переводчик Н. Гребнев в целом сумел передать на русском языке идейное содержание, дух, силлабический строй стихов, характер рифмовки произведений Бердаха. Отраднo то, что перевод поэмы «Хан-самодур» отличается точностью и художественностью. Незначительное сокращение ненужных повторений и собранность «Песни Зару» в переводе придали поэме компактность и улучшили ее понимание. Хорошо переведены стихотворения «Разве ушедший вернется?», «Не дает», «Не знаю», «Кажется», «Жизнь», «Дай теперь». «Тяжкое время», «Ты поглядел бы на себя», «Не горюй», «На тое», «Знайте», «Мне нужны», «Мои глаза» и др.

Правда, не все переводы равноценны по качеству. Если сокращение переводимых стихотворений в одном случае логически оп-

равданно, то в другом случае оно принесло вред. Например, отобранные строфы стихотворения «Для народа» переведены удачно, но сильно сокращенный перевод не дал на русском языке ряда важных мыслей Бердаха: сокращение пошло не в пользу, хотя автор сделал это для того, чтобы сжать объем произведения (у Бердаха 65 четверостиший, в переводе—36). По этой же причине не передан на русском языке весь смысл стихотворения «Я искал». Иногда встречаются отклонения от текста (например, «Налог»). Имеются и другие неточности.

Но все это не умаляет значения сборника. Главное—Н. Гребнев передал на русском языке голос Бердаха, его скорбь о судьбе народа, его гневный протест против эксплуататоров, его мечту о счастье народа.

В этом—заслуга переводчика, в этом—ценность сборника.

Марат Нурмухамедов.

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОЯ ЖИЗНЬ

Наш мир подлунный и суров и дик,
Родившись на земле, что я постиг?
Быть может, за единый счастья миг
Тебя я всю бы отдал, жизнь моя!

К вам, люди, обращаю я слова.
Моя седою стала голова.
Свои бутоны распустив едва,
В пустых мечтах увяла жизнь моя.

Я в этом мире видел много зла.
Моя дорога трудною была.
Зову я жизнь, а жизнь уже прошла,
О, как ты быстротечна, жизнь моя!

Сегодня стих я посвящаю свой
Моим друзьям, моей земле родной.
И о тебе, хорошей иль плохой,
Я расскажу сегодня, жизнь моя!

* * *

Мне кажется, что я, Бердымурат,
Был мальчиком лет сто тому назад.
Был светлым и цветущим детства сад.
Вы помните об этом, дни мои!

Слетала песня с материнских губ,
Шатался первый мой молочный зуб,
Тогда никто со мною не был груб.
Тогда меня ласкали дни мои!

Стал в десять лет коран я изучать,
Но ничего я в нем не мог понять.
Я плакал, и меня жалела мать.
Труднее становились дни мои!

Я жаловался богу. Отчего
Непостижимы истины его?
В те годы, в пору детства моего
Лишь это омрачало дни мои!

Я становился старше и сильней.
Звенел поток моих счастливых дней.
Беспечно я играл в кругу детей,
В забавах проходили дни мои!

Пятнадцать лет. И, скрывшись с глаз родни,
Со сверстниками проводил я дни.
Беспечные, веселые, они
Являлись и кружили дни мои.

Но скапливалась боль в моей груди.
В семнадцать лет сказал я: «Погоди!
Оставь забавы—юность позади!»
И потекли в заботах дни мои!

Я взрослым стал. Как весь голодный люд,
Тащил я ношу—молодой верблюд.
Мне был по силам этот тяжкий труд.
Мне было двадцать в эти дни мои!

Мне ноги жег песок; день ото дня
Я чувствовал больней, что у меня
Ни чина, ни скота, ни кетменя—
Нет ничего. Есть только дни мои!

Сейчас, когда я в прошлое гляжу,
Вдали я вижу старца Кун-ходжу*...
Я вспомню все, я память разбужу.
Вы видели поэта, дни мои!

Моим словам внимал седой старик,
Учил меня, в мою он песню вник.
И сорок дней прошли, как светлый миг,
И были днями счастья дни мои.

Я трудно жил, я был, как вол в ярме.
И двадцать восемь лет минуло мне.
Я шел, мечтая о счастливом дне,
Но были беспросветны дни мои!

* Каракалпакский поэт — современник Бердаха.

У многих биев был я батраком,
Не щедрым пробавлялся я куском.
Я с малолетства с горем был знаком,
О горе пели песни, дни мои!

Бердымурат, тебя не обмануть.
Ты был ли счастлив хоть когда-нибудь!
Да! Песнь моя нашла к народу путь,
И люди будут помнить дни мои.

Не жди, что двадцать лет придут опять,
Когда тебе уже за тридцать пять.
Об этом я и не хотел мечтать.
Безрадостно тянулись дни мои!

Эй, лживый мир, меня ты не взлюбил.
Мою дорогу жизни искривил.
Напрасно я потратил столько сил.
В мученьях проходили дни мои!

Ко мне судьбы безжалостна рука.
И сорок лет пришли издалека.
А между тридцатью и сорока
Так велико различье, дни мои!

Стареем мы—быстрее года летят.
Минуло сорок, стало пятьдесят.
И с грустью я, старик, смотрел назад,
Где прошлые остались дни мои!

Бегут года. И стал я стар и сед.
На жалобы мои кто даст ответ

Мне—старик у шестидесяти лет?..
Печальны и смятенны дни мои!

О, время счастья, пронеслось ли ты,
Или стою я у твоей черты,
Да нету сил достичь своей мечты:
Увял я, и увяли дни мои.

Я видел много древних городов,
Кирпич их стен и зелень их садов.
Я поседел от странствий и трудов.
Ужель к концу подходят дни мои?

Где эта жизнь, где счастье, покажи?
На жизнь где право бедняка, скажи?
Ты стар Бердах—ты друга позови!..
Я вижу: угасают дни мои!

Теперь, уже на склоне бытия,
Встает передо мною жизнь моя.
Вот—мальчик, вот—двадцатилетний я—
И озаряют путь мой дни мои!

Я в жизни мало видел светлых дней!
В мой век ишаны мучали людей,
Страдал народ от ига богачей,
Борьбе со злом я отдал дни мои!

Рыдай, Бердах, учи людей, Бердах,
Пока еще не превратился в прах.
И скажут все: «Был свет в его словах»,
Когда уже померкнут дни мои!

Во мне дыханье теплится едва,
Моя поникнет скоро голова,
Но долго будут жить мои слова,
Когда уже погаснут дни мои!

Я стар. С несбывшимся желаньем я
Переселюсь в нездешние края.
Все тихо. Умолкает песнь моя.
Умчались безвозвратно дни мои.

Раб божий—я, я—сын земли своей,
В ее саду рожденный соловей.
Друзья, я в год свиньи* на склоне дней
Спел эту песнь. Прощайте, дни мои!

* Год свиньи—один из двенадцати годов
животного цикла в мусульманском летоисчислении.

118960-
96-905-

МОИ ГЛАЗА

Больно глазам. Плохо видят они!
Впалые щеки сжигает слеза.
Как мне прожить в эти трудные дни?
Света не видят мои глаза!

Счастье увидеть мне не суждено.
Слеп я, и все предо мною темно.
Белое, черное—мне все равно...
Света не видят мои глаза.

В бедности прожито семьдесят лет.
Не было счастья и все еще нет.
Скоро покину белый я свет.
Братья, не видят мои глаза!

Не доживу я до светлого дня.
Злая судьба покарала меня.
Счастья жду, свою жизнь кляня,
От жизни тяжкой не видят глаза!

БИБЛИОТЕКА
Мин. М. 10610

Жизнью тяжелой я согнут и смят.
Слезы застлали невидящий взгляд.
Не знаю кто во всем виноват...
Света не видят мои глаза!

Жизнь протекает моя как в бреду.
Не попадите в такую беду!..
С чем я из этого мира уйду?
Света не видят мои глаза!

Темен наш мир. И у зрячих, друзья,
Жизнь не намного светлей, чем моя!
Слеп ты, как я, если беден, как я!
Увидят ли свет мои глаза!

Тяжко мне, душно мне, проклял я тьму.
Кажется, будто я брошен в тюрьму.
Некому горю помочь моему.
Света не видели мои глаза!

НЕ ДАЕТ

Снова в море закинул я сеть.
Море рыбы своей не дает.
Еоже мой, нету силы терпеть.
Что в груди твоей: сердце иль лед?

Обезлюдел мой род, приуныл.
Поплелись мы, лишенные сил,
От родимой земли и могил...
Море рыбы своей не дает!

И меня подстегнула нужда.
И пошел я, не зная куда.
Но везде нас встречает беда.
Море рыбы своей не дает.

Путь тяжелый и длинный у нас.
Ни зерна, ни скотины у нас.
Есть ли выход, мужчины, у нас?
Море рыбы своей не дает.

В зломном море бушует волна,
Словно жизнь, холодна и черна.
Жизнь мрачна; без просвета она.
Море рыбы своей не дает.

Вам, друзья, не желал я беды,
Я желал за любовь и труды
Много счастья, как в море воды.
Лет на сто или двести вперед.

Но, увы, нас окутал туман.
Правят миром лишь зло да обман.
Злой богач и блудливый ишан*
Им и счастье, и мясо, и мед.

Ну, а мы простота, беднота.
Дверь удачи для нас заперта.
Бьет аллах нас и лжет нам мечта.
Море рыбы своей не дает.

Я бедняк, я собрат ваш Бердах.
Я правдив и в словах, и в делах.
И меня обездолил аллах.
Адским пламенем сердце мне жжет.

* Ишан — высшее духовное лицо.

НЕ ЗНАЮ

Не пойму, эта жизнь широка или узка.
Не пойму, почему я страдаю.
Или век наш черней, чем другие века.
Как мне быть, как мне жить — я не знаю.

Был женат я, но горем я согнут в дугу.
Друга жизни утратил на радость врагу.
Я один, я преград одолеть не могу.
Как мне быть, как мне жить — я не знаю.

Я совсем одинок, кто подаст мне совет.
Нету старшего брата и младшего нет.
В сердце, в грудь мне вонзаются тысячи бед.
Как мне быть, как мне жить — я не знаю.

Жизнь моя никогда не была хороша.
И она от меня улетает, спеша.
Слышу: тело мое покидает душа.
Как мне быть, как мне жить — я не знаю.

Я ль не понял, что жизнь не веселье, не той*.
С малых лет я остался один, сиротой.
Без земли и без крова, пред чашкой пустой.
Как мне быть, как мне жить—я не знаю.

Нынче в доме моем ветхо все и мало,
В гости ходят ко мне и обида и зло.
Только счастье дороги в мой дом не нашло.
Как мне быть, как мне жить, я не знаю.

Пожелтел я, печалью душа сожжена,
Хоть молитвы читал я и не пил вина.
В чем, о боже, моя пред тобою вина?
Как мне быть, как мне жить—я не знаю.

Вслед за мною летело врагов воронье,
И меня одолело и счастье мое.
С пожелтевшего тела свисает тряпье.
Как мне быть, как мне жить—я не знаю.

Всей душой я желаю, чтоб в этом году
Вы, о братья, в мою не попали беду.
Вспоминайте меня, я ведь скоро уйду.
Как мне жить, как мне быть, я не знаю.

* Той—пиршество.

РАЗВЕ УШЕДШИЙ ВЕРНЕТСЯ?

Как бы твои не звучали рыдания,
Как бы тебя ни терзали страдания,
Мучайся хоть до потери сознания,
Разве ушедший вернется?

Будешь искать ли по разным дорогам,
Биться ли об стену в доме убогом,
Или молиться в молчании строгом,
Разве ушедший вернется?

Что так искать и кричать наудачу,
И задыхаться от жалоб горячих,
Если ты даже ослепнешь от плачей,
Разве ушедший вернется?

Стань хоть ручьем, хоть рекой полноводной,
Стань хоть алмазом, хоть птицей свободной,
Солнцем горячим, луною холодной,
Разве ушедший вернется?

Пусть ты постигнешь великие знания,
Тайну природы, секрет мироздания,
Чудо рожденья, закон увяданья,
Разве ушедший вернется?

Будешь ты знатен, известен повсюду,
Будут ли в доме твоём изумруды,
Жемчуг, алмазы и золота груды,
Разве ушедший вернется?

Будешь ты слабым, иль будешь всеисильным,
Сколько б не лились потоком обильным
Слезы на землю пред камнем могильным,
Разве ушедший вернется?

Будешь трястись над богатством, скупиться,
Дверь отопрешь ли, где золото хранится,
Ниц упадешь, иль взовьешься, как птица,
Разве ушедший вернется?

Весь ли коран пропоешь без запинки,
Или весь мир позовешь на поминки,
Или совсем не прольешь ни слезинки,
Разве ушедший вернется?

ПОМОГИ НАМ!

Век, что за век—он сплошь из черных дней.
И новый день прошедшего темней.
Тьма, тьма, и солнца не видать за ней.
Рабам своим ты помоги, о боже!

О господи, нас грешных пощади.
Свой меч от нашей отведи груди.
Куда идем, что ждет нас впереди?
Несчастливым людям помоги, о боже!

Нам с каждым днем все тяжелей, пойми.
Дичаем мы, хоть созданы людьми.
Моя душа нужна тебе—возьми.
Нам, бедным людям помоги, о боже!

Век, что за век тобой в удел нам дан?
Окутал и опутал нас туман.
И даже хуже, чем туман,—обман.
Обманутым рабам ты помоги, о боже!

Кругом враги, я ничему не рад.
К тебе, о боже, я, Бердымурат,
Свой обращаю потускневший взгляд.
Я говорю: «О помощи нам, боже!»

Народ мой нищ, народ мой изнемог.
Когда садовник ты, а жизнь цветов,
Спаси его, пока он не поблек.
Он вянет, помоги ему, о боже!

Я знаю, мой цветок поблек давно.
Увядшему цвести не суждено.
Что станет со мной, мне все равно,
Но помоги оставшимся, о боже!

Не вынесет страданья и невзгод
И разбредется бедный мой народ.
Его следы пустыня заметет
Скажи нам слово, помоги, о боже!

Нет радости у нас, зато всегда
Нас сторожит обида и беда.
А с ними рядом горе и нужда.
Мы бедствуем, о помощи нам, боже!

О боже, что за время, что за век?
Средь нас здоровых меньше, чем калек.
Теряет разум бедный человек.
Дай бедным людям помощи, о боже!

Тот был твоим рабом, а та рабой.
За что ж они унижены тобой?

За что они обижены судьбой?
Дай им надежду, помоги, о боже!

Тот правоверный суфий, тот мулла,
В их речи «бог», а в сердце много зла.
Так почему же их судьба светла?
Не им, а нам ты помоги, о боже!

Как много тех, кто угнетает нас.
Как мало тех, кто понимает нас.
С друзьями время разлучает нас.
Друзей так мало, помоги им, боже!

Великий боже, создано тобой
Все: и луна и то, что под луной.
И только кров над нашей головой
Не создал ты, о помощи нам, боже!

Дай кров и мне, я стар и одинок.
Прислушайся, взглядишь, я изнемог.
Единый и единственный наш бог,
Ты не губи нас, помоги нам, боже!

Могилу—видно, только этот кров
Припас ты для бездельных бедняков.
О господи, за что ты к нам суров.
Бездомным людям помоги, о боже!

Жизнь прожита, я не скорблю о ней.
Я видел слишком мало светлых дней.
Чем ты честней, тем жизнь твоя черней.
Всем честным людям помоги, о боже!

Уже я прожил семь десятков лет.
От горя стал я желт и слеп, и сед.
На счастье у меня надежды нет.
Таким как я, ты, помоги, о боже!

КОГДА-НИБУДЬ

Какие нынче времена!
Отчаянье сдавило грудь.
Душа обидою полна.
Все да пройдет когда-нибудь.

На благо общее трудись.
Глушцов и трусов берегись.
Людей бесчестных сторонись.
И мрак сойдет когда-нибудь.

Прольешь во имя счастья пот.
Твой честный труд не пропадет.
Хвалу тебе воздаст народ
За труд и пот когда-нибудь.

В наш черный век всеильна ложь,
За слово правды пропадешь.
Молчи, не то ты проклянешь
Болтливый рот когда-нибудь.

В наш черный век—проклятый век
В грязи достойный человек.
Но счастье из-за дальних рек
И к нам придет когда-нибудь.

Вам говорит Бердимурат,
Что нас окутал смрад и чад.
Живой тому что жив, не рад.
Все да пройдет когда-нибудь.

Ослабли роды Кипчак, Ктай.
Все разбрелись, теперь собирай.
Земля в свой караван-сарай
Всех соберет когда-нибудь.

Проклятый век, проклятый мир.
Кто честен, тот убог и сир.
Пал в битве Кунгур-батыр.
Мрак да сойдет когда-нибудь.

Я говорю, друзья, о том,
Что тяжело жить, что мрак кругом.
Мечтаю я лишь об одном:
«Мрак да сойдет когда-нибудь».

Немало было и ушло
Таких, как мы, кто видел зло.
Но будет ведь и нам светло.
Заря взойдет когда-нибудь.

Подобно мне Махтум-Кули*
Пел о цветах, что не цвели.

* Махтум-Кули—классик туркменской ли-
тературы.

Он пел от родины вдали:
«Зло да уйдет когда-нибудь».

Народы жили и до нас.
Бессильны были и до нас.
Моля, твердили и до нас:
«Пусть зло уйдет когда-нибудь!»

О люди, как тяжел мой путь!
Порой я не могу уснуть.
Печаль, терзающая грудь.
Меня сожжет когда-нибудь.

И день-деньской трудился я.
И лбом о камень бился я.
Все то, к чему стремился я.
К нам да придет когда-нибудь.

Меня ни бай, ни аксакал
За человека не считал.
На все, что в жизни я познал,
Кто свет прольет когда-нибудь.

Тот мертв давно, а этот сед.
А где же ты, желанный свет?
Тебя и не было и нет.
Кто свет зажжет когда-нибудь.

Народ мой, ты сожжен судьбой
И горек хлеб насущный твой.
Взойдет ли солнце над тобой,
О мой народ, когда-нибудь?

Бедняк, с тобой беда всегда.
Ты в степь идешь—она туда,
Поверить трудно, что беда
От нас уйдет когда-нибудь.

Жизнь прожита, все позади.
Какое счастье ни найди
Оно, как птица: так и жди
С руки вспорхнет когда-нибудь.

Познал я в жизни много мук.
Я счастье выпустил из рук.
А кто, скажи,—пророк иль друг
Его вернет когда-нибудь?

Наш век для бедняка—тюрьма.
Искал я света—всюду тьма.
Иль мало у меня ума?
Кто свет зажжет когда-нибудь?

Жизнь очень трудною была,
И все ж моя стезя светла.
Я никогда не делал зла.
Зло да уйдет когда-нибудь.

Днем, ночью трудится жена,
А тесть мой нищий, дивана*.
Ужели и для них весна
Не зацветет когда-нибудь?

* Дивана—юродивый.

Друг, руку другу протяни.
Сильны мы, если не одни.
Вождь, верный путь скорей найди.
Заря взойдет когда-нибудь.

Во имя родины, мой друг,
Трудись, не покладая рук.
И счастье не сейчас, не вдруг,
Но все ж придет когда-нибудь.

ЛЕТО ПРИДЕТ ЛИ?

Вьюга нас мучила, вьюга слепила,
Ветхую юрту мою повалила,
Черными тучами небо закрыла,
Кто мне ответит: лето придет ли?

Душу и сердце морозами студит.
Кажется солнца уже и не будет.
Мы — бедняки, униженные люди,
Молим о лете. Лето придет ли?

Нету похлебки у бедного люда,
Нету подстилок, и взять их откуда?
Ехать мне надо и нету верблюда,
Стар уж терпеть я. Лето придет ли?

В отчем краю я живу, как в остроге,
Жесткой веревкой мне спутали ноги,
Нет предо мной ни пути, ни дороги.
Стихнет ли ветер? Лето придет ли?

Что происходит у нас под луною!
Люди замерзшие молят о зное.
Сделалось льдом то, что было водою.
Солнце не светит! Лето придет ли?

В море не мало воды горьковатой,
Холодно в юрте моей небогатой,
Что же нам делать зимой проклятой.
Солнце не светит! Лето придет ли?

Мясо мы ели. Теперь у нас — голод.
Нету скотины, сожрал ее холод.
Овцы погибли на пастбищах голых.
Зябко на свете. Лето придет ли?

Родину давят морозы и беды
Стали озера от холода седы.
Умер сынок у брата — соседа...
Бедные дети, а лето придет ли?

Чистое золото в медь превратилось.
Холодно, голодно, вьюга взбесилась.
Что же нам делать, скажите на милость?
Кто нас приветит? Лето придет ли?

Дар красноречья сегодня не нужен.
Красноречивый загравлен, недужен,
Где искать помощи мне в эту стужу?
К бедным, ответьте, лето придет ли?

Мне бы укрыться — места мне мало,
Мне бы согреться, да нет одеяла,

От сытого помощи нет, не бывало.
Голодны дети. Лето придет ли?

Много нам лгали. А истина—где ты?
Много ли в жизни мы видели света?
Сердце устало, мы жаждем ответа:
Стихнет ли ветер? Лето придет ли?

Кто я? Старик сединой убеленный
Песни мои—не напевы, а стоны,
Вопли собратьев моих угнетенных...
Кто их приветит? Лето придет ли?

МОЙ БЫК

Ударю палкою его, беднягу,
Он двинется, я на соху налягу.
Он без меня не может сделать шагу...
Мне честно служит службу черный бык.

Он всех сильнее—поглядите сами.
Кто может справиться с его рогами?
Они остры, как нож, тверды, как камень.
Посмотришь: очень страшен черный бык.

След от копыт его похож на блюдо.
Среди быков мой бык—не бык, а чудо!
Своею силой славен он повсюду,
Мой красноглазый, круторогий бык!

Моя судьба на радость скуповата.
Моя душа всегда тоской объята.
Но делит все со мной мой друг рогатый—
Мой знаменитый, сильный, черный бык!

Я шел, а на пути была преграда,
Судьба влила мне в сердце много яда!
Но верный друг, утеха и отрада,
Всегда со мною ты, мой черный бык!

«Э-эй, вперед! — и мы идем по зною,
И вспарываем поле бороздою.
Как силен ты, люблюсь я тобою...
Спасибо, мой усердный, черный бык!

НАЛОГ

Наше время — тяжелое время, плохое,
Каждый год тяжелей предыдущего вдвое.
Гол бедняк, но его не оставят в покое...
Десять звонких червонцев — проклятый налог!

Брать налог аталык* приказал Нурымбету.
И кричит он: «плати!» Чем платить, если нету.
Люди жизнь проклинают постылую эту.
Десять звонких червонцев — проклятый налог!

Я молчу: у меня не совсем еще старый
Есть осел. Доведу я его до базара.
Но другие-то как? Вот семья Ерназара,
С чем пойдет на базар, чем заплатит налог?

Что продать, если нет ничего за душою,
Если только богатства, что брюхо пустое?

* Аталык — одно из высших должностных лиц при хане.

Нет и курицы (курица много ли стоит?..)
Как же нищие люди заплатят налог?

В нищей юрте проснувшиеся на рассвете
Просят хлеба и плачут голодные дети.
Сердце жгут безответные жалобы эти.
Душит бедных в железных объятьях налог!

Злой Палым улыбается масляным взглядом:
Сборщик ломится в юрту, стоящую рядом...
Если б мог угостить я обоих вас ядом,
По щепотке бы всыпал: «вот, нате налог!»

К вам придет волостной и не станет вас
слушать.
Плачь, не плачь, не заплатишь: так вытряхнет
душу.

Бедняков, как зверей, он арканит и душит,
Тянет жилы—мерзавец усатый—в налог!

Налетит волостной и помощников стая,
И заплачет вдова, сироту обнимая.
Всех сгибает налог кроме толстого бая:
Никогда не берется с богатых налог.

Перед жадной свиньей, богачом Кулиμβетом,
Блюда с жирной едой и зимою, и летом.
А крестьянин голодный бредет и раздетый:
Бедняка не оставит в халате налог!

А мечеть? И в мечети служителей много,
Кровь сосущих во имя великого бога.

Им—ишанам—не надо бояться налога,
Потому что введен не для знати налог.

Я рыдал. Я делил с бедняками со всеми
Бремя жизни беднячкой—жестокое бремя.
И промчались года, пронеслось мое время!
Где ты, жизнь? Не тебя ль взял к уплате
налог?

НЕВЕСТКА

Черные брови, а кожа—бела.
Косы длинные, а сама ты—мала.
Нравом, красою—ну всем ты взяла!
Но почему ж ты печальна, невестка?

Переливаются волны волос.
Черные струйки закрученных кос.
Рот, как наперсток, как ягодка—нос.
Ну, до чего ж хороша ты, невестка!

В ушке твоём—золотая серьга,
Ровные зубы твои—жемчуга!
Сладки слова твои, словно нуга!
Вот я стою пред тобою, невестка!

Словно луна, ты чиста и светла.
Женщиной или же пери была

Мать, что такую тебя родила?
Ну до чего ж ты красива, невестка!

Ты и мала, и хрупка, и тонка,
В маленьком сердце большая тоска.
Выдали девушку за старика.
В горе, в отчаянии плачет невестка!

Выдали замуж, созвали гостей,
Ты очутилась в кругу богачей
Весело было... На свадьбе твоей
Только одна ты грустила, невестка!

Люди о счастье твоём говорят.
Муж твой—богатый, и деверь богат.
Ты перед ними потупила взгляд.
Грустно тебе, дорогая невестка!

Детство и юность свою загубя,
С мужем постылым живешь, не любя.
Плачешь ты, горе сжигает тебя.
Тщетны былые желанья, невестка!

Рабски обычаям верен седым.
Спрятал отец твой немалый калым.
Дочь свою продал он людям чужим.
Продано девичье счастье, невестка!

Жадные свахи считают барыш.
Бедная женщина, что ж ты молчишь!
Что ж ты врагам своим не отомстишь?
Сердце зачем ты неволишь, невестка?

Здесь бессердечные люди кругом,
Ночью ты плачешь в подушку тайком.
Голос твой раньше звенел серебром,
Нынче твой голос не слышен, невестка!

В жизни не видишь ты светлого дня,
Муж твой жесток и коварна родня.
Стон твой беззвучный дошел до меня...
Чем же тебе помогу, я, невестка?

Горе еще не сожгло твою грудь.
Может быть есть еще правильный путь.
Слушай меня и печальной не будь!
Счастье тебе я желаю, невестка!

Ты молода еще, жизнь впереди.
Прочь от людей недостойных уйди!
По сердцу доброго друга найди.
Надо на это решиться, невестка!

КАЖЕТСЯ

Петля нужды сдавила людям горло.
Мне трудно говорить, и стих не вяжется.
Будь проклят мир!.. В груди дыханье сперло.
Земля мне сморщенной ладонью кажется!

Когда джигит не омрачен кручиной,
Ему подстать скакун с повадкой львиной.
Мне даже сад, где воздух тополиный,
Густою зарослью колючек кажется.

Муллы в молитвах богу неустанны,
В руках ишанов пухлые кораны,
А мне муллы, и шейхи, и ишаны
Похожими на всех шайтанов* кажутся.

На свете стало сумрачно и тесно.
Куда ведут дороги? Неизвестно!
Я в прошлое гляжу, но бесполезно,
Цена ему копейкой мне кажется!

* Шайтан — чорт, дьявол.

Жизнь бедняка труднее год от года,
Он стонет от чиновника-урода,
Муллы и ханы—палачи народа...
Все богачи мне пауками кажутся.

Сегодня что я вижу под луною?
Я—нищ, и нищие передо мною.
И лица их покрыты желтизною...
Мне эта жизнь несправедливой кажется.

О, если б тучам в небе расступиться,
О, если б сытым с лошадей свалиться
Если б счастье пришло, ниль стало снигся.
Год жизни стал б десятью—мне кажется!

На жизнь взгляните трезвыми глазами.
Неправда и жестокость правят нами.
Чем эта тьма, уж лучше адский пламень.
Мне этот мир тюрьме подобным кажется.

Нет правды в сердце у царя и бека,
Нет счастья у простого человека.
Тот мир, где я влачу остаток века,
Несправедливым мне и лживым кажется.

Бердымурат, ищи для песни слова.
Проникни в тайны бытия земного.
Где вы, надежды и мечты былого?
Мне этот мир листком увядшим кажется.

Будь проклят мир, где стража есаула,
Храня покой правителей аула,

На недовольных направляет дула...
Мне наша жизнь туманом черным кажется.

Для бедных время тяжкое настало,
От горя сердце у меня увяло.
И жизнь моя мне с самого начала,
Где б ни жил я, плохой и тесной кажется.

Страдаем мы. Извилиста дорога.
Свободы не дожидаться нам от бога.
Осталось в жизни дней моих немного.
Вот эти дни последними мне кажутся.

В селеньях наших—холод и разруха.
И голоден бедняк, и счастье глухо.
Бездельник-бай наращивает брюхо,
Но брюхо скоро лопнет—так мне кажется.

Бердымурат, послушайся совета —
Не всем по нраву будет песня эта,
Жестокие тебя сживут со света,
Тебя согнут—и очень скоро, кажется.

НЕ БЫЛО

Лег предо мною нерадостный путь.
Шел я, но силы для этого не было.
Жизни в лицо мне пришлось заглянуть —
Силы, чтоб плакать и сетовать, не было.

Если цветы твои вяли в саду,
Если в пути попадал ты в беду,
Бедные с бедным делили еду,
От богатеев сочувствия не было.

Хоть на муллу, хоть на бая взгляни,
Черной стезею проходят они.
В грязном разврате проходят их дни.
Праведных дел ими сделано не было.

Умный незлобную шутку поймет,
Глупый — обидится, в ярость придет.
Беки, чиновники — подлый народ,
Их справедливых пока еще не было.

Старый мулла и умен, и учен,
Но ведь народ не глупее, чем он.
Чтоб уничтожить неправый закон,
В жизни пока мудреца еще не было.

Я не обучен премудрости, нет!
Но у премудрого брал я совет.
Братья мои, я давно уже сед —
Лживого слова мной сказано не было.

Верность и честность людскую не раз
В трудный пришлось мне испытывать час..
Люди — мы все, но похожих среди нас,
Равных среди нас на земле еще не было.

Правды у нас, к сожалению, нет,
У богачей огорчения — нет,
У бедняков утешения — нет
И никогда утешения не было.

Счастье людское отбилось от рук.
Сколько жестокости! Сколько разлук!
Кто нас избавит от горя и мук?
Нет у надежды на это и не было!

Жил я без малого семьдесят лет,
Стал я от горестей болен и сед.
Много я видел печали и бед.
В жизни все было, лишь радости не было!

Нет предо мной ни путей, ни дорог.
Что же, друзья, разве бедность — порок?
Радости в жизни познать я не смог,
Светлого дня на пути моем не было!

Я знаю молодость — полет,
А старость это — тяжесть, лед.
Когда нас старость застает,
Сужается желаний круг.

* * *

Но мудрость седовласых — свет.
Старик тебе подаст совет.
Копил он знанья много лет.
Жизнь постигается не вдруг.

Мне жаль безусого юнца,
Кто слов седого мудреца
Не понимает до конца.
Ему и слушать недосуг.

Юнец советом пренебрег.
Решил, что сам себе пророк.
О боже мой, как он убог.
Он тугоух и близорук.

Ты оскорбляешь стариков.
Не уважаешь бедняков.
Заглянул бы: сам-то ты каков.
Мне жаль тебя, мой глупый друг.

Нет радости у бедняка.
Он гол, грызет его тоска.
Он соловей без цветника.
Его цветок — корявый сук.

Я много испытал тревог.
Я много испытал дорог.
Я петь, я говорить не мог.
Хлеб добывал ценою мук.

Ты слышишь ли, о мой народ,
Как старый твой певец поет?
Не все, что спел я, пропадет.
Услышит что-нибудь мой внук.

Когда-то возле Акдарьи
Мне тоже пели соловьи.
Я тратил щедро дни свои,
Заглядывал в глаза подруг.

Все это не придет назад
Ко мне, в мой опустевший сад.
Смолкаю я, Бердымурат,
Дутар мой падает из рук.

ЖИЗНЬ

Когда кому-нибудь немало лет
И много позади тревог и бед,
И взгляд уже не различает цвет,
Проходит незаметно моя жизнь.

Друзья мои, я вам хочу сказать,
Что мне едва минуло двадцать пять.
Но счастье я уже устал искать.
Спешит, меня не понимая, жизнь.

Жизнь, я страдал от твоего огня.
Ты с самой колыбели жжешь меня.
Ты не была счастливою ни дня.
Меня ты жжешь и покидая жизнь,

Скажу вам откровенно, что в удел
Мне не достался от отцов надел
И никаким добром я не владел.
Зачем ты мне нужна, такая жизнь?

Не нажил я ни дома, ни скота.
Тарелка предо мной всегда пуста.
Пусть даже доживу я лет до ста,
Ты ничего не дашь мне, злая жизнь.

Надолго ты приходишь к богачу,
И хлопает тебя он по плечу,
Мол, делаю с тобою, что хочу.
О, неразумная, слепая жизнь!

А к бедняку придешь на малый срок.
Ему швырнешь какой-нибудь кусок.
Бедняк убог, обманут, одинок.
Бедняк живет, тебя не зная, жизнь.

Я пешим был, не мог купить осла.
Всегда земля постелью мне была.
Что ты мне кроме горестей дала?
Смеешься ты, со мной итрая, жизнь!

Для матери моей и для отца
Всегда была ты скардней скупца.
Не обращаешь ты ко мне лица.
Спешешь ты, мной пренебрегая, жизнь.

Давно я чашу осушил до дна.
Тобою рана мне нанесена.
Уйди, ты мне такая не нужна.
Ступай, спеши моя плохая жизнь!

ДАЙ ТЕПЕРЬ

Начни же песнь свою, Бердымурат.
Пропой ее, чтоб недруг был не рад.
Пусть песне этой внемлет стар и млад.
Пой эту песню людям, пой теперь.

Душа и тело до поры—одно,
Друг с другом им расстаться суждено.
Меня, народ мой, знаешь ты давно.
Моим словам ты и сейчас поверь.

Мы бедняки, а потому не лжем.
Мы честь свою и совесть бережем.
Чем резать ложью, лучше уж ножом.
Спаси нас бог от лжи, спаси теперь!

В мои карманы грош не забредет.
И сам я раб и в рабстве весь мой род.
В моем роду сумятица, разброд.
О боже, дай нам силы, дай теперь!

Не дай уйти с несбывшейся мечтой.
Уважь меня — я человек простой.
О боже мой, хоть взглядом удостой.
О боже, дай мне силы, дай теперь.

ТЯЖКОЕ ВРЕМЯ

Если не будешь работать, как вол,
Не проживешь в наше трудное время.
Если ты счастья досель не нашел,
То не найдешь в наше трудное время.

Будешь работать и ночью, и днем
Слезы прольются обильным дождем...
Друга б найти на пути мне своем,
Легче мне стало бы в скверное время.

Беки житья не дают никому.
Ищешь защиты — сажают в тюрьму.
Скажут виновен — и быть по сему.
Сумрак покрыл наше горькое время!

Утки, и те улетели с болот.
Время тяжелое, стонет народ.
Семьи разбиты. Мне жалко сирот!
Сумрак покрыл наше горькое время.

Мрачное время. Тяжелые дни.
Звезды не светят, померкли они.
Лучшие девушки наши в тени.
Вянут сады и цветы в наше время!

Вот я взгляделся в прошедшего даль.
Что я там вижу? Там тоже печаль.
Плети там свищут и лязгает сталь.
Тьмою покрыто и давнее время!

Трудно, Бердах! Тяжко стало тебе!
Руки страданье сковало тебе.
Счастье еще не сияло тебе.
Думам не сбыться твоим в наше время.

Подлым в жестокости нету преград.
Делают с бедными все, что хотят.
Честные люди без хлеба сидят.
Ложь без границ в наше лживое время!

Было нам трудно, но так — никогда.
Мудрый идет и не знает куда.
Красноречивый умолк на года.
Сумрак покрыл наше тяжкое время!

Бедные девушки молча сидят.
Им веселиться теперь не велят.
Петь им нельзя — говорят: «Шариат!» —
Сумрак покрыл наше темное время!

Можно ль бояться врагов и невзгод.
Если идет за тобою народ?

Мы умираем, но песня живет...
Петь не дают в наше тяжкое время.

Что ты, Бердах, в этой жизни познал?
Ичигов новых ты не надевал.
Просьбой о хлебе ты песнь начинал.
Хлеба ты не находил в наше время!

От богачей ничего, никогда
Люди не видели кроме вреда.
Волкам подобны, что травят стада,
Баи тиранят народ в наше время!

Баям пришелся я не ко двору
Только за то, что я людям не вру.
С песней живу я и с песней умру.
В наше тяжелое горькое время.

Кадирымбет, ученик дорогой,
Белый был конь твой, а мой — вороной.
В поле поэзии трудной тропой,
Встретясь, мы ехали — к стремям стремя!

НЕ ПОСМОТРИТ

В бедности, в горе погибнет душа.
Родич богатый не даст ни гроша.
Что ему: жизнь у него — хороша!
Он на тебя, бедняка, не посмотрит.

Нет ничего за душой у меня.
Надо мне ехать, а нету коня.
Целый табун у родни, но родня
На бедняка, на меня не посмотрит.

Если кибитка бедна и тесна,
Если в мешке не найдешь ты зерна,
Если печаль только будет одна,
Родич плохой на тебя не посмотрит.

Нету лепешки и нет молока.
Жарко, а дыни у нас — ни куска.
У богачей бахча велика,
Но богачей на тебя не посмотрит.

Если на свете тебе не везло,
Если болезнь подкралась, как на зло,
Если от голода брюхо свело,
Тот, кто богат, на тебя не посмотрит!

Если ты беден, а родич богат,
Вечно ты будешь пред ним виноват.
Встрече с тобою богатый не рад,
Мимо пройдет — на тебя не посмотрит!

Если продралась твой башмаки,
Полю халата твои коротки,
Горе тебя разорвет на куски,
Но богатей на тебя не посмотрит.

Людам богатым и власть и почет,
Бедным — бесправье и горечь невзгод.
Вечно богатство к богатым течет,
На бедняков никогда не посмотрит!

ТЫ ПОГЛЯДЕЛ БЫ НА СЕБЯ

Ты хрюкаешь — не говоришь.
Глазами узкими косишь.
Твой нос напоминает шиш.
Ты поглядел бы на себя.

Но ты доволен сам собой.
Трясешь плешивой головой.
Кривишь в усмешке рот кривой.
Ты поглядел бы на себя.

А на красавиц — смех и грех —
Ты смотришь, будто лучше всех.
Ты сам-то веришь ли в успех?
Ты поглядел бы на себя.

Хоть уши — каждое лопух.
Но ты изрядно тугоух.
Сказать точнее, к добру ты глух.
Ты посмотрел бы на себя.

Твой подбородок — огород,
Где сорная трава растет.
Рот шире собственных ворот.
Ты поглядел бы на себя.

Жрут богачи; ты их дружок.
Ты развалился, как мешок.
Усы — щетина, нос — крючок.
Ты поглядел бы на себя.

Напрасно ты, глупец рябой,
Всех сватаешь наперебой.
Смеются люди над тобой.
Ты поглядел бы на себя.

Болтать и врать — тут ты хорош.
Вот тут ты мастер — ловко врешь.
Любого за пояс заткнешь.
Ты поглядел бы на себя.

Начнешь ты петь — напрасный труд.
Из горла звуки не идут.
А только слюни с губ текут.
Ты поглядел бы на себя.

Ты тем гордишься, что богат.
Ты баев друг, я нищих брат.
Но я счастливей во сто крат.
Ты поглядел бы на себя.

НЕ ГОРЮЙ!

Ведь не пропал же весь отцовский скот.
Тебя мы заклинаем: не горюй!
И конь твой цел, ногой он землю бьет.
Тебя мы заклинаем: не горюй!

Не унывай, почтенный наш мулла,
Не унывай — твоя беда мала.
Пропажа, правда, дорогой была,
Тебя мы понимаем, не горюй!

Да, пострадал ты малость, ну и что ж.
Помолишься аллаху, все вернешь.
С нас, бедняков, сдерешь последний грош.
Мы тоже ведь страдаем, не горюй!

Была, конечно, шуба не плоха.
Ее украли, не боюсь греха.
В сравненьи с миром шуба — чепуха.
Мы большее теряем, не горюй!

Глядишь, овчины принесет бедняк,
Во славу бога — преданности знак.
Твоя утрата, право же, пустяк.
Мы все об этом знаем, не горюй!

Ты любишь говорить про ад и рай.
Чего же замолчал ты, краснобай?
Не вешай головы, не унывай,
Ведь мы не унываем, не горюй!

Глядеть нам больно, как страдаешь ты.
Ты позабыл молитвы и посты.
Уйди, мулла, от этой суеты.
Тебя мы заклинаем: не горюй.

Не обеднеешь ты, не пропадешь.
То, что пропало, с бедняков возьмешь.
Всю жизнь ты только этим и живешь.
Мы твой характер знаем, не горюй.

НА ТУЕ

Был той большой в один из дней.
Был плов для тех, кто познатней,
А тех, людей, что победней,
Джугарной кашей угостили.

Тем, шея у кого толста.
Достались лучшие места.
Для баев десять тун скота
Освеживали и сварили.

А мы прождали до утра.
Мы голодали у костра.
Как только крикнули: «Пора!»
Мы тут же к делу приступили.

Но каша нам пошла не впрок.
Кулым — сосед мой — рот обжег.
Он успокоиться не мог:
Ему обиду причинили.

Я человек простой, я — голь.
В мое нутро вселилась боль.
Мои глаза съедает соль.
Я слабый — вы об этом знайте!

Еще совет вам дать могу:
Не знайте жалости к врагу.
Сгибайте всех врагов в дугу,
И только другу помогайте.

Один вверху, другой на дне.
А есть бездольные вдвойне.
Вот я такой, не сладко мне.
И вы меня не презирайте.

Друзья мои, мне много лет.
В словах моих неправды нет.
И вы несите людям свет,
Дорогу людям озаряйте.

Я был цветком, увял цветок.
Я пел о том, что мир жесток.
Я счастье повстречать не мог.
Вы о моем несчастье знайте.

В ЭТОМ ГОДУ

Честно с мурабами* мы расплатились.
Людям они и клялись и божились.
Да с богатеями, видно, сдружились.
Было засушливо в этом году.

Закуковала кукушечка где-то.
Это настало раннее лето.
Вылезли всходы, а влаги-то нету.
Сохли посевы в этом году.

Поле без влаги не родит в пустыне.
Поздней весной посадили мы дыни.
Да не едали мы их и поныне.
Трудно пришлось нам в этом году!

Наши посевы узки и убоги.
Вот и вода не нашла к нам дороги.

* Мураб — лицо ведающее распределением воды.

Трижды будь проклят мураб хромоногий.
Спелся ты с баями в этом году!

Чтоб ни случилось, богатые правы.
Ели мы травы, что горше отравы.
Их поливаю слюною кровавой.
С голоду мерли мы в этом году.

Мы пробавлялись корой горьковатой,
Хлеб мы пекли с лебедою проклятой.
Продали шапки свои и халаты.
Трудно нам было в этом году.

В наших кибитках хозяйничал голод.
В наших кибитках свирепствовал холод.
Не разбирая, кто стар и кто молод.
Многих не стало в этом году.

Баям нет дела до наших мучений.
Много народу из разных селений
Стали сгонять на рытье укреплений.
Много нас мучали в этом году.

Тронулись в путь мы, не взяв ни лепешки.
Где их возьмешь, если дома ни крошки,
Плети давали нам вместо кормежки.
Злые мурабы в этом году.

Земли родные нам стали постылы.
Нет, не канавы мы рыли — могилы.
Падали люди, лишённые силы.
Нас истязали в этом году.

Люди трудились раздеты, разуты.
Бил их надсмотрщик коварный и лютой,
Передохнуть не давал ни минуты.
Трудно нам было в этом году.

Эти слова не фальшивы, не лживы.
Стали мы жертвою чьей-то наживы.
Многие мертвы, не многие живы.
Мало осталось нас в этом году.

Я УВИЖУ

Эй, сын Самбета, послушай меня,
Чтоб ты ни сделал, подлец, я увижу.
Нрав твой коварнее день ото дня.
Дням твоим скоро ль конец я увижу?

Мне ты однажды уже досадил.
Разве я плохо тебе отомстил?
Если позор свой уже ты забыл,
Что же, я снова позор твой увижу!

Подлы поступки твои и дела.
Людям не мало приносишь ты зла,
Чистою совесть твоя не была.
Отродье ишана тебя ненавижу.

Несправедливы деянья судьбы.
К небу в тоске обращал я мольбы...
Если сплотится народ для борьбы,
Смертную муку твою я увижу.

Слушай меня, кровожадный урод!
Имя свое я открою — «Народ!»
Вот он к тебе за расплатой идет.
Сможешь ли ты оправдаться, увижу!

Я понимаю, где правда, где ложь.
Истины в сердце твоём не найдешь.
Ты надо мною смеешься... Ну, что ж!
Будешь ли после смеяться, увижу!

Грусти не видишь моей, хорошо!
Честных не ищешь путей, хорошо!
Не уважаешь людей, хорошо!
Скоро твою я погибель увижу!

Жил я заветами бога-творца,
Он же меня принимал за глупца.
Хоть притеснениям нету конца,
Все же я верю, что счастье увижу.

ЛУЧШЕ

Друзья, пшеница лучше, чем овес.
Рис лучше сорняка, что в нем пророс.
Чем сорок дней невзгод, печали, слез,
Один счастливый день, ей-богу, лучше.

И если в жизни вдруг случится так,
Что склонится и подчинится враг,
Спрячь в ножны меч и разожми кулак.
Чем убивать, простить намного лучше.

Во нмя края, где мы рождены,
Мы с вами жить и умереть должны.
Служить для счастья дорогой страны —
Что может быть достойнее и лучше?

Когда твоя состарится жена,
Не говори: «Другая мне нужна!»
Пусть поседела женщина, она
Твой верный друг и всех красавиц лучше.

Не радостно быть другом подлеца.
Не радостно быть гостем у скушца.
Заколотая в честь гостей овца
Пасущейся большой отары лучше.

Хороший гость — для дома первый друг.
Без гостя дом, как без травники луг.
Чем обладатель двух неловких рук,
Пожалуй, уж совсем безрукий лучше.

Весь день мы спину гнем, к нам бог жесток.
Мы обдираем кожу рук и ног.
И все же потом политый кусок,
Ей-богу, дарового меда лучше.

Послушай ты, святоша Нурмурад,
Ты слово дал, да взял его назад.
Обманщик ты, хоть славен и богат.
Богатого последний нищий лучше.

Батрак шагал по полю твоему,
Ты обманул, не заплатил ему.
Хоть накрутил ты белую чалму,
Хоть ты — святой, последний грешник лучше.

Эй, баи Кулмурад и Нурымбет
Сапар, Мирза, Арзу и Еримбет
Ни в ком из вас стыда и чести нет.
Один бедняк, чем все вы вместе, лучше.

Несчастен я — бедняк Бердымурат, —
Жизнь бьет меня, а чем я виноват?

Вокруг темно, я ничему не рад.
Чем жизнь такая, смерть гораздо лучше.

Богач меня всю ночь заставил петь,
А утром на меня же поднял плеть.
Каракалпаки, долго ль нам терпеть?
Чем эта жизнь, зиндан,* ей-богу, лучше.

Трудился я, но прахом все пошло.
Я пел, и это мне не помогло.
Я в этой жизни видел только зло.
Того, что видел я, погибель лучше.

Бердах, я слеп, не вижу света дня.
Ко мне подходит смерть, косою звеня.
Но все же мой народ любил меня.
И я его, как сын, и даже лучше!

* Зиндан — темница, подземная тюрьма.

ДЛЯ НАРОДА

Джигит, рожденный с львиною душой,
Всю жизнь свою ты посвяти народу!
Джигит, рожденный с львиною душой,
За свой народ иди в огонь и воду!

Бердах, да будет звучен голос твой,
Ищи слова, о жизни песню пой.
Будь чист и пред людьми, и пред собой.
Насколько хватит сил — служи народу!

В народе — сила и мечта твоя,
Ты вне его не мысли бытия.
В какие б ты ни заходил края,
Свой труд и жизнь свою отдай народу!

До беков не доходит стон людской,
Им дорог только собственный покой,
Хотя к ним золото течет рекой,
Они копейки не дадут народу!

Хвала тому, кто честен и умен!
Своей стране приносит пользу он.
А кто умом совсем не наделен,
Какую пользу принесет народу?

К хорошим людям в дом любой зайдет,
К плохим и сам шайтан не забредет...
Тебя богатый братом назовет.
Но ты не верь ему: он враг народу!

Достойные народу отдают.
Все без остатка — разум свой и труд.
Родной народ свой к счастью ведут
Они — достойные служить народу!

Не говори о слабости своей,
Ты этим радуешь плохих людей!
Плохих людей не милуй, не жалея:
Плохие люди не нужны народу!

Нам счастье всем неравное дано ---
Один расцвел, другой увял давно.
Но тот, кто праведен, тот все равно
Отдаст себя служению народу!

В саду, где счастья вашего гряды,
Пусть не растут полынь и лебеда.
Да будете вы сильными всегда,
И ваша сила служит пусть народу!

Пусть, друг, тебе неведом будет страх!
Трудись, пока есть свет в твоих глазах.

И будет счастлив, будет рад Бердах,
Что, как Бердах, ты отдал все народу!

Пред тем, кто честен, голову склоня.
Бердах — стою я на закате дня.
Бросают палки недруги в меня
За то что верно я служу народу!

Тот, кто народу предан до конца,
Тот награжден, хоть и не ждал венца:
Его венчает слава мудреца,
Все, чем богат, он отдает народу!

Хоть силен враг, но в силе уязвим.
Его я словом поражу своим...
Мне трудно жить: я беден и гоним.
Мне тяжело, но легче ли народу!

Мне от судьбы не скрыться никуда.
За мной крадутся горе и беда.
Врагом оравлена моя еда.
Но не рошщу. Ведь я служу народу!

Ты истины искал, Бердимурат,
Луч света в темноте искал твой взгляд.
Ты правду говорил. Враги хотят
Отмстить тебе и твоему народу!

Бессильные, я силу в вас вдохну,
Вам, бедняки, я руку протяну...
Свет озарит ли отчую страну!
Я о надежде буду петь народу!

Мы — смертны все. И мой придет черед.
Но песнь моя меня переживет,
Я много знаю, я смотрю вперед,
И знанья все я отдаю народу.

Бердимурат, на все ищи ответ.
Смотри, какой ты оставляешь след.
Дай людям бедным руку и совет.
Где б ни был ты, полезен будь народу!

Бердымурат, не хмурься, не грусти,
И в край чужой не помышляй итти.
Бердах, врагам не уступай пути,
Всю жизнь, работая, служи народу!

✓ Знай цену дружбе, цену знай словам.
Из причиняй страдания друзьям.
Неси им счастье—будешь счастлив сам.
Друзья тебе, они—друзья народу!

Аллах врагам народа силу дал.
Зато людей достойных в грязь втоптал.
По воле бога вор ишаном стал.
Ишаны все приносят вред народу!

Жестоки богачи и бог жесток.
Их произвола я стерпеть не смог.
Пред тем, кто восстает,—бессилен бог.
Восставший отдает себя народу.

Терзая нас невежеством своим,
Плохой считает честного плохим,

Все богачи живут трудом чужим.
О, если б правду отыскать народу!

Плохой хулит достойные дела,
Хулит народ и хочет, чтоб хула
Ему почет и славу принесла.
Такой всегда приносит вред народу!

Мудрец вникает в смысл разумных слов.
Дурак смакует мудрость дураков.
Он пренебречь советами готов
Он не прислушивается к народу.

Смотрите, люди, тянется рука
Богатого к лепешке бедняка.
Богач—тебя предаст наверняка,
Он—враг тебе и твоему народу!

Хороший спутник облегчит твой путь.
Плохой идет и ждет, чтоб где-нибудь
Задеть копьём и в ров тебя столкнуть.
Зачем такие спутники народу?

Друзья, я слова зря не оброню.
Людей я не за внешность их ценю.
Скажите, быть ли солнечному дню?
Ты, солнце, будешь ли светить народу?

Да не оставлю славы я плохой,
Когда закончится мой путь земной.
О, жизнь моя, я не прощусь с тобой,
Все свои силы не отдав народу!

У подлого, у богача-отца
Родился сын с душою подлеца.
Мне кажется, плохому нет конца.
От богатеев пользы нет народу!

Душа людей достойных—широка.
Душа достойных—вешняя река.
Чиста у них душа, чиста рука,
И сердце их полно любви к народу.

Само к поэту слово не придет.
Не будет слова, если сердце—лед.
Лишь честный слово нужное найдет,
И это слово путь найдет к народу!

Я был поэтом в мрачные года.
Я только правду говорил всегда.
Я пожелтел, за мной гналась беда.
Я так хотел, чтоб свет светил народу!

Плох человек, иль человек хорош,
Ты разберешься в этом, коль поймешь,
Что говорит он: правду или ложь.
И я познал, кто друг, кто враг народу.

Бердымурат—я сын родной земли.
Я—соловей равнин родной земли...
Цветы моей мечты не расцвели:
Мечтал я счастье отыскать народу!

Я ИСКАЛ

Свет истины среди невзгод
В краю суровом я искал.
Меня любил родной народ.
Для песни слова я искал.

О, если б только, наконец,
Явился к беднякам мудрец,
Чтоб исцелить печаль сердец.
Везде такого я искал.

Мой брат пропал. Тоской объят
Я шел повсюду наугад.
Учитель мой, мой старший брат,
Тебя, родного, я искал!

Вся жизнь Бердаха тьмы темней,
Я видел мало светлых дней.
Лишь право петь про скорбь людей.
А не иного я искал.

В наш горький век, в наш век невзгод
Путь к счастью для тебя, народ,
Искал я, падал, шел вперед
И снова, снова я искал.

Когда едины племена,
Какая сила им страшна?
Джигитов, честность чья видна,
Под бедным кровом я искал.

Найти друзей я был бы рад,
Пески мы превратили б в сад.
Тех, кто огнем любви объят,
На все готовых, я искал.

Внемлите все моим словам:
О братья, я желаю вам
Того, о чем мечтаю сам,
Того, что столько дней искал.

О люди, я не хуже вас,
Но свет очей моих погас,
Горька слеза незрячих глаз..
Я счастья много дней искал.

Не верь, о друг мой, чудесам,
Не обращай к небесам.
Ищи всю дорогу сам,
Как я среди степей искал.

Бежал я от священных книг,
Я мудрость Навои* постиг,

* Навои—великий узбекский поэт.

Я в кладезь Фузули* проник...
Красноречивых я искал.

Твои стихи, Махтум-Кули,
Слагать мне песни помогли,
Я все сокровища земли
В поэзии твоей сыскал.

Всю жизнь народу я отдам,
Чтоб отмстить его врагам..
Поехать бы в Ургенч, и там
Я верных бы друзей сыскал.

Для дела не жалея сил,
Я песнею врагов клеймил.
Я, чтобы стих больше бил,
Слова в душе своей искал.

Тернист был путь мой и тяжел,
Богатств в жизни не обрел.
То что искал—я не нашел,
Я счастья для людей искал.

Обиды мне терзали грудь,
Порой, бывало,—не вздохнуть,
Но я в крошечном мраке путь
Такой, что всех светлей, искал.

* Фузули — классик азербайджанской литературы.

СЫН МОЙ

Стремись походкой твердою итти!
Обидят—за обиду отомсти!
Останешься голодным—не грусти.
Но смелым будь и мужественным, сын мой!

Не будь чванливым как неумный бай!
Напрасно сил своих не расточай!
И пусть тобой гордится отчий край,
И пусть народ тобой гордится, сын мой!

Трудись. И утром, сон стряхнув едва,
Закатывай повыше рукава.
И хоть услышишь льстивые слова,
В беспечности не пребывай, о сын мой!

Людей цени всегда по их делам,
Не обижай друзей, но мсти врагам,
Подобострастным не внимай словам,
Беги дурного смолоду, о сын мой!

Нет у тебя халата—ничего,
И денег маловато—ничего.
Услышишь смех богатых—ничего.
Знай цену людям и себе, о сын мой!

Умей, мой сын, почувствовать душой,
Где человек хороший, где плохой.
И за достойным светлую тропой
Безропотно, бесстрашно следуй, сын мой!

Сказал—от слов своих не отступай!
Ничтожным людям тайн не доверяй
И никогда друзей не обижай,
Но недругов не пощади, о сын мой!

Богатством завладеешь—не гордись,
И роскоши ненужной сторонись.
Сиротам помогая, не скупись.
Будь чистосерд и прямодушен, сын мой!

Для своего народа будь хорош,
А если враг озлобится—ну что ж!
На свете без врагов, не проживешь.
Отважным будь и сильным будь, о сын мой!

За то, что не по силам, не берись
И к должностям высоким не стремись,
Неправду говорить остерегись,
Пред тем, как говорить, подумай, сын мой!

Чем с ненадежным, лучше одному
Итти, не одоляясь никому.

Цени своих друзей по их уму,
Друзей неумных избегая, сын мой!

И где б тебя ни встретила весна,
Ты помни: есть родная сторона:
Обширен мир, но родина одна.
И ты не забывай об этом, сын мой!

Всегда, мой сын, отца и мать цени,
Стремись согреть осенние их дни.
Не забывай, что ближе нет родни,
Своей судьбой ты им обязан, сын мой!

Отважен будь, но даже смерть презрев,
Не говори, что ты бесстрашный лев.
Обуздывай в себе неправый гнев,
Но не смирят гнев справедливый, сын мой!

Утешь своим участием бедняка,
Не пожалей последнего куска,
У бедняка цель жизни далека,
Подай ему на счастье руку, сын мой!

Наш путь далек, а на пути—овраг,
Его пересечешь—достигнешь благ.
Ты юн еще, отец тебе не враг,
Всегда блюди завет отцовский, сын мой!

НЕ БУДЬ ГЛУПЦОМ

Ты должен, отправляясь в путь,
Взглянуть назад, вперед взглянуть.
Старайся вникнуть в жизни суть.
Во все вникай, глупцом не будь!

Будь сердцем тверд и чист душой,
Надень халат недорогой,
Иди, и к помощи чужой
Не прибывай, глупцом не будь!

Раз побывав в чужом краю,
Узнав, что был ты не в раю,
Ты снова родину свою
Не покидай,— глупцом не будь!

Пусть даже станешь «юзбаши»*
Ты зазнаваться не спеши,

* Юзбаши—сотник.

Ты слабых властью не души,
Не притесняй, глупцом не будь!

Был злой Кулым отцом твоим,
Как ты остался невредим?
Отец твой был отцом плохим,
Но ты таким отцом не будь!

Пусть даже твой отец мураб
Иль пресмыкающийся раб,
Иль трус, разящий тех, кто слаб,
Таким ты подлецом не будь.

Нам, честным, должность не нужна,
Нечестным лишь подстать она.
Возьми кетмень. Придет весна—
Паши, копай, глупцом не будь!

В работе силы не жалей.
Передохни, воды попей...
Достойных от дурных людей
Ты отличай, глупцом не будь!

Мой младший брат! Я стар и сед,
И потому на склоне лет
Тебе хотел я дать совет,
Ему внимай, глупцом не будь!

МНЕ НУЖНЫ

Цветок, к моим ногам склоненный,
Поющий соловей влюбленный,
Мир, светом солнца озаренный,
Дни радостные—мне нужны.

Гора, чтоб издали дымилась.
Верблюдица, чтобы доплась,
Красавица, чтоб ночью снилась
Для счастья моего нужны.

Когда зимою то и дело
Мороз пронизывает тело,
Подруга, чтоб меня согрела,
Мне руки теплые нужны.

Мне нужен конь нетерпеливый,
С подстриженным хвостом и гривой,
Крепкокопытный и красивый...
Лихие кони мне нужны.

Есть у меня еще забота:
Мне соколиная охота,
✓ Мне птицы, ждущие полета,
✓ Лихие соколы—нужны.

✓ Джигиты, чья рука готова
✓ В бою сразить врага любого,
✓ Держать умеющие слово
✓ Для дела правого нужны.

✓ Друзья, борцы, что за свободу
✓ Готовы и в огонь и воду,
✓ Сочувствующие народу
✓ Для дела правого нужны.

Кто сеет хлеб и воду ищет,
Кто с бедняками делит пищу,
Кто помогает людям нищим,—
Такие люди мне нужны.

✓ Борцы, насупившие брови,
✓ С оружием правым наготове,
✓ Те, что не пожалеют крови
✓ В борьбе за счастье—мне нужны.

ШЕСТЬ ДЕВУШЕК

Собрались девушки пойти
В селенье, что в верстах пяти.
Чтоб легче было им в пути
Они уселись на арбу.

О девушках поговорим:
Была всех старше Бибайим.
Она, подав пример другим,
Проворно села на арбу.

За ней вторая, Махида,
Прекраснолица, молода,
Прекраснолица, хоть куда,
С улыбкой села на арбу.

У третьей—юной Арухан,
Был светлый лик и тонкий стан.
Вдвоем с подругой Гулимхан
Они взобрались на арбу.

В арбе усевшись Раушан,
А вместе с нею Мирихан,
Сказали: «Ты нам богом дан!»
Вознице, гнавшему арбу.

Возницею был их сосед—
Плешивый, дерзкий Косымбет,
Каракалпак преклонных лет.
Он проклинал свою судьбу.

Был Косымбет, как говорят,
С рожденья придураковат.
Вперив в красавиц жадный взгляд,
Забыл он про свою арбу.

Тряслась арба, был трясок путь,
И, может быть, девичья грудь
Слегка коснулась как-нибудь
Руки возницы моего.

Мне вам не надо объяснять.
Чего от лысых можно ждать.
Страсть, что копилась в нем лет пять,
Совсем свела с ума его.

Арба стучала, этот стук
Лишь возчику не стоил мук.
Он вожжи выпустил из рук.
Такую песенку запев:

«Мне бы хотелось лалом быть.
Девичим одеялом быть.

Иль в нем блохою малой быть,
Касаться кожи юных дев!

Мне бы хотелось быть серьгой.
Хоть плохонькой, недорогой.
Касались бы меня рукой.
Сквозь ушко тонкое продев.

Мне быть бы ханом Бухары.
Вот задавал бы я пиры.
Подобно ханам я Хивы
Держал бы сорок юных дев.

Ласкала б их моя рука.
Не надоело бы пока.
Один бы я средь сорока
Лежал, от счастья опьянев».

Все громче выл он, все нудней,
Забыл он про своих коней.
А кони мчались все быстрее.
Возница не на них глядел.

Бежали кони без дорог.
Арба пошла куда-то вбок.
А там колодец был глубок.
Возница лысый пел, да пел.

Вот здесь-то истряслась беда—
Свалилась вся арба туда.
Где ж девушки? Нет и следа,
Есть только свежих шесть могил.

И ты, мой друг, их пожалей.
Слезу горячую пролей.
Лысоголовый дуралей
Пышноволоосых погубил.

ХАН – САМОДУР

Поэма

Порой оглядывался я назад
И слушал то, что люди говорят.
Я, в даль прошедшего бросая взгляд,
Узнал о многих горестях земли.

Тот слезы лил о том, что одинок,
К тому входило горе на порог,
А многим и порога не дал бог.
Бездомные, брели они в пыли.

Одни сжигали душу на огне,
Другие тосковали в тишине.
А те, мечтая о счастливом дне,
Шли вдаль: им счастье виделось вдали.

И наполнялись злобою сердца,
Боль превращала тихого в борца,
Шли бедняки, чтоб драться до конца,
Когда терпеть обиды не могли.

Тираны их не слушали речей,
И кровь текла, как по весне ручей.

Но люди, проклиная палачей,
Шли, не страшась, ни плахи, ни петли.

С кровавыми слезами на глазах
Они прошли и не сгибал их страх.
И не хватало виселиц и плах
Для них — для лучших сыновей земли.

Их лица покрывала желтизна,
Их речь порой бывала не слышна,
Земля их забывала имена,
И все ж таки они ~~идти~~ подвиг шли.

Бывали унижение и кнут
Наградой за подвиг их и труд.
Голодные, как весь бездольный люд,
Они по жизни горестной брели.

И были тяжкими лишения их,
Нужда, бесправье, униженья их.
Не иссякали лишь терпенья их,
Отчаянье и злоба их вели.

Столетия шли, а Мир незыблем был,
Властитель беззакония вершил.
Раб выбивался из последних сил.
И ныне так среди жителей земли.

* * *

В крови и муках матерью рожден,
Я в мир пришел; был неприветлив он.

Я чувствовал едва ли не с пелен:
Сын бедняка, рожден я бедняком.

Я поглядел и в даль и в вышину,
Я увидел обширную страну.
Где прозябал у горестей в плену
Тот, кто на свет родился бедняком.

Я с малолетства понял силу слов.
Весь день я слушать песни был готов.
Я вслушивался в речи стариков,
Порой открыто, а порой тайком.

Я видел горе в отчей стороне,
Я брел с тяжелой ношей на спине.
Слова неправды были чужды мне.
Страданье видел я и пел о нем.

Я понял: только в дружбе жизни суть.
Враги к друзьям мне преграждали путь.
Свободно не давали мне вздохнуть.
Несладким пробавлялся я куском.

Был дубом я, чьи ветви широки.
Срубили с дуба ветки и суки.
Мой корень не поили родники,
И стал я в поле чахлым тростником.

Кровь по щекам катилась вместо слез.
Я трудно жил, я горе перенес.

И вот я дожил до седых волос.
Боль в сердце у меня и в горле ком.

Я садом был—не полили его.
В саду не распустилось ничего.
Я—соловей народа своего—
Считался безголосым куликом.

Безжалостен был гнев монах поэм.
И то, что пел я, нравилось не всем.
Мне говорили: «будь ты вовсе нем».
Но пел я о страданиях своем.

Я мучался, я слезы лил из глаз.
И все же в горький час и в светлый час
Брал каждый раз дугар я или саз
И пел о горе ближних и своем.

И стала голова моя бела.
Беззубый я, я весь сгорел до тла.
Оглядываюсь — молодость прошла,
Туман передо мной и мрак кругом.

* * *

В былые времена случилось мне
Бродить по Акдарьинской стороне.
И от кого-то ночью в тишине
Услышал я историю одну.

Хоть я не знал правдив ли тот рассказ,
Я вспоминал его десятки раз.

Сказать вам откровенно, и сейчас
Я им живу, я у него в плену.

Его обдумывал я много лет
И понимал, что плохо в нем, что нет.
Мне было пятьдесят, и стал я сед,
Когда решил: «Я свой дастан начну!»

И той же ночью, помолясь творцу
И заколов последнюю овцу,
И я, подобно зрелому певцу,
Тронул пальцем чуткую струну.

За месяцем шел месяц: целый год
Претерпевая тысячи невзгод,
Перелагал я ночи напролет
Услышанный рассказ про старину.

Я песнь свою вам отдаю на суд.
Пусть сказанные мной слова живут,
Когда и сам уж буду я не тут,
Переселясь в далекую страну.

Я в жизни все сносил: невзгоды, ложь.
Порою мне бывало невтерпеж.
Меня сжигали сотни мук, и все ж
Я пел, пою и жизни не кляню.

В моих сказаньях боль невзгод и бед.
Ты их оценишь друг мой, мой сосед?
А может вспомнят через много лет
Из песен, спетых мною, хоть одну.

А эта песнь—плоха иль хороша
Не знаю сам, но и ней моя душа.
Я жил лишь этой песнею дыша,
Я в этой песне вас не обману.

Найдете в ней ошибку—виноват.
Но все-таки не хмурьте строго взгляд.
А вдумайтесь: итак Бердымурат,
Я взял дутар, я свой дастан начну.

I.

Владея множеством золотых палат,
Распространяя самовластия яд
И жизнь народов превращая в ад,
Прошло не мало ханов под луной.

В былые времена один из них—
Великих повелителей земных,
В прах повергая всех врагов своих,
Прошел со славой долгий путь земной.

Была десница у него крепка,
Была его столица велика.
Средь кровью обгаренного песка
Она стояла гордо за стеной.

Но властелин не бог, хоть и велик,
И потому был смертен хан-старик.
Когда восьмидесяти лет достиг,
И он переселился в мир иной.

Он отошел, оставив ханский трон.
Земную славу и оружья звон.
Оставил сына и красавиц жен,
Не взяв туда с собою ни одной.

Счастливый сын остался сиротой.
(Свершилось то, что было лишь мечтой).
Взошел он на отцовский трон золотой
И стал обширной управлять страной.

Хоть новый хан почти ребенок был,
В сравненьи с ним отец ягненок был,
Жестоким юный хан с пеленок был,
Как знать, что было этому виной?

Вазир, чье сердце холодней, чем лед,
Давил и грабил стонущий народ.
А хан (ему пошел двадцатый год)
Судил и правил за его спиной.

Когда-то юношу учил мулла,
Но та наука скучною была.
Она на пользу хану не пошла,
Ему был предначертан путь иной.

Владык великих окрыляет власть,
Великих ханов опьяняет власть,
Наш хан познал еще другую страсть.
Он ею был охвачен, как шальной.

Желанье хана—для страны закон.
И верные гонцы со всех сторон

К нему в гарем стогнали новых жен,
И забавлялся он с очередной.

Он свадебные задавал пиры,
Каких не знали прочие дворы
От сотворенья мира, с той поры,
Как появились ханы под луной.

Предпочитал он малолетних дев,
И радовался, юной овладев.
А девушка, познав позор и гнев,
Случалось, весь свой век была больной.

Через покои ханские прошли
Красивейшие женщины земли.
И все ж насытить хана не могли,
Не остывал его желанья зной.

По всей стране гонцов не меньше ста
Он разослал, сказав им: «Красота
Дороже крови, золота, скота.
Добудьте женщин мне любой ценой».

II.

На берегу, где юрты не стоят,
Один рыбак жил много лет подряд.
Веревкой он подвязывал халат
Во всем себе отказывал бедняк.

Жизнь не легка была, не хороша.
Поставил дом он вроде шалаша.

Сеть смастерил и плот из камыша,
И рыбой пробавлялся кое-как.

Он делу научился у отца,
По рыболовной части мудреца.
Стирал пот со своего лица,
На счастье сеть закидывал рыбак.

Весною рыба шла икру метать,
На рыбака сходила благодать.
Не успевал он сети вынимать,
А в ней блесстел сазан, блесстел судак.

Но чаще так бывало у него:
Закинет сеть — не вынет ничего.
И, плача от бессилья своего,
Судьбину злую проклинал бедняк.

Был нищ рыбак, а все же был богат.
Веревкой он подвязывал халат.
Но у него был сокровенный клад.
Был дочерью своей богат рыбак.

И впрямь была красавицею дочь.
Пред нею тучи расступались прочь.
В безлунную, неласковую ночь
Ее краса рассеивала мрак.

Она была стройна и высока.
Была черноволоса и тонка.
И взгляд ее горел издалика,
Избраннику суля немало благ.

Ее улыбка расточала мед.
Ее улыбка расплавляла лед.
И руки белые и нежный рот
Избраннику сулили много благ.

Но улыбалась изредка она.
Работала Гулим, не зная сна.
Жизнь этой девушки была трудна,
Как всякой, у кого отец бедняк.

Таких не озаряет счастья свет.
У них причины для веселья нет.
Когда минуло дочке десять лет,
Свою жену похоронил рыбак.

И без того жилось несладко им,
Но вот осталась сиротой Гулим.
Она над горем плакала своим
И не могла наплакаться никак.

На берегу так плакала она,
Что вся вода от берега до дна
От слез девичих стала солона...
Над бедною Гулим сгущался мрак.

* * *

И стали жить рыбак и дочь одни.
Верней не жили, мучались они.
В нужде, в заботе пролетали дни.
Гулим росла, как полевой цветок.

Отец-кормилец, волею судеб,
Однажды занедужил и ослеп.
Рыбачить, добывать насыщенный хлеб
Слепой рыбак теперь уже не мог.

Старик сидел беспомощен и тих,
Касаясь глаз невидящих своих.
А дочь работать стала за двоих,
Не покладая рук, сбиваясь с ног.

Старик был слеп, он путал день и ночь.
Старик жалел единственную дочь.
Но немощный, чем мог он ей помочь.
Он лишь молился: «О, великий бог!

Гулим, — она и дочь моя и сын, —
На всей земле одна, и я — один.
О боже, наш всеильный властелин.
Не посылай к нам горе на порог.

Дочь у меня и больше нет детей.
Пошли удачу дочери моей.
Пусть потечет к ней золота ручей,
Пусть счастье не забудет к нам дорог.

О господи, меня лишил ты глаз.
Мою мольбу услышь ты хоть сейчас». —
Так он молился в день не один раз,
Рыдал, просил, а что еще он мог?

А дочь его должна была успеть
Испечь лепешки и закинуть сеть.

За стариком незрячим приглядеть
И накормить его, и вымыть в срок.

Хватало дел; то снасть не хороша,
То прохудилась крыша шалаша.
Ее чинила девушка, спеша,
Чтобы старик в ненастье не промок.

Дочь почитала слабого отца.
В жару стирала пот с его лица.
Она была очами для слепца.
Он без нее и вовсе б занемог.

Незрячий никуда он не ходил.
Лишь на одно ему хватало сил—
Сидел старик весь день веревки вил.
Веревки эти сматывал в клубок.

Гулим была красива и чиста.
О ней ходила слава неспроста.
Но если счастья нет, то красота
И та несчастной девушке не впрок.

И ханским людям—воинам лихим
Известно стало о красе Гулим.
И вот уже они путем глухим
Проникли на далекий островок.

В глухом краю затерян был шалаш.
Безлюдье—вот его надежный страж.
В нем утешались: «Кто отыщет наш
Пустынный остров, нет сюда дорог!»

Ни шороха вокруг, ни ветерка,
Покой и сон в жилище рыбака.
Нет, то кажется издалека.
Обманчивы покой и тишина.

Покоя нет, не спит рыбак слепой.
Он, подпирая голову рукой,
Вымаливает счастье и покой,
Молитва у него всегда одна.

От старика немного в стороне
Лежит Гулим, свернувшись на рядне,
И что-то шепчет, мечется во сне,
Тревожна, как река, как снег бледна.

А в это время ханские послы,
Не очень расторопны и смелы,
Бредут во тьме, как вьючные ослы.
Усталы, злы, а цель им не видна.

В жилище рыбака не ждут врагов.
Ни брани их не слышат, ни шагов.
Гулим, бедняжка, после дня трудов
Лежит, заботою утомлена.

И сон ей снится, что змея ползет.
К ее груди свой страшный тянет рот.
Ужаливает, кровь затем сосет.
Гулим бессильна, а змея сильна.

Вкрут шею обвивается она.
Гулим кричит, пытается она
Бежать, но спотыкается она
И в страхе просыпается она.

Отец не спал всю ночь, молился он.
Он слышал шепот дочери и стон.
«Гулим, какой тебе приснился сон,
Тяжелый сон, тебя лишивший сна?»

В глаза мои слепые погляди,
Все расскажи, меня ты не щади!»
И в час ночной, прижав к его груди,
О страшном сне поведала она.

Тогда заплакал и отец седой,
Затряс своею белой бородой:
«Коль сон к беде, пред этой бедой
Бессильны мы с тобой, ночь темна!»

И дочери старик отец в слезах
Сказал: «Как видно, не напрасен страх.
На услышал моей мольбы аллах.
Туманна книга судеб и темна.

Я хил и слеп, я старый человек.
В кудрях моих блестит холодный снег.
Дни сочтены и короток мой век
И скоро ты останешься одна».

Я слезы лью, я не смыкаю глаз.
О боже мой, убей меня сейчас.

Не дай услышать мне хотя бы раз,
Что дочь моя Гулим оскорблена.

Мне тоже снился сон не так давно:
Охотник, чье лицо изъязвлено,
Поставил в час, когда в лесу темно,
Ловушку, что из ниток сплетена.

И сокол мой попал в его силок.
Как ни пытался ловчий, все ж не мог
Надеть на очи птице колпачек.
Слетала прочь стальная пелена.

Охотнику с добычей не везло.
Добыча вырывалась, как на зло.
И кровь с груди стекала на крыло,
И голова была разможжена.

В отчаянье предсмертном и тоске
Бедняжка-птица билась в злой руке
И после распласталась на песке:
Она была на смерть обречена».

...Казалось, горю не было конца.
Но стала дочка утешать отца.
Стирала слезы с дряблого лица,
Была она с ним ласкова, нежна.

«Не плачь, отец, мы вынесем с тобой
Все то, что предназначено судьбой.
И встретим мы ее удар любой
И оба тверды будем, как стена.

И буду я всему наперекор
Всегда с тобой, отец, как до сих пор.
Я понесу тебя чрез гребни гор.
Моя любовь дочерняя сильна».

Касалась дочь отцовских щек рукой.
От слез ее, от нежности такой
Убогий старец обретаю покой.
А ночь была безлунна и темна .

* * *

Кончалась ночь, когда со всех сторон
Раздался топот и оружия звон.
Беда явилась к ним; проклятый сон
Не обманул красавицу Гулим.

Испугана и как стена бледна
Вскочила тут же на ноги она.
Старик отец очнулся ото сна.
Беда стучится в дверь, что делать им?

Услышав топот за дверьми и крик,
Рыбак несчастный головой поник.
Что может сделать немощный старик?
А он еще к тому же был слепым.

А стражники, все на пути круша,
Кричали громко возле шалаша:
«Э-эй, живая есть ли здесь душа?
Кто выйдет к нам, тот будет невредим!

Но в шалаше никто не отвечал.
А что шалаш? Не крепость между скал,
Не выдержал осады и упал,
Шалаш, построенный с трудом большим.

Кто к ним пришел, что делалось вокруг,
Гулим, бедняжка, поняла не вдруг.
Но потянулись к ней три пары рук:
«Пойдем, мы зла тебе не причиним!»

И заблестел огнем девичий взор.
В ней вспыхнул гнев, дремавший до сих пор.
Она очнулась и, схватив топор,
Пошла навстречу недругам своим.

«Кто вас послал, что надо вам от нас?
Что привело сюда вас в этот час?»
Так воинам меча огонь из глаз,
Промолвила красавица Гулим.

Один из них испуганно сказал:
«Великий хан нас в дом к тебе послал.
Красавица, чьи зубы словно лал.
Не бойся нас, тебя мы не съедим!

К властителю во сне явилась ты.
Властителю во сне приснилась ты.
И мы хотим, чтоб согласилась ты
Предстать пред повелителем своим.

Тобою покорен великий хан.
Он изнывает от сердечных ран.

Пусть он скорее твой обнимет стан,
Чтоб улетел его печали дым».

Был голос девушки суров и глух.
Она сказала: «Дети потаскух,
Старик отец мой слеп, но он не глух.
Зачем меня позорите пред ним!

Что я свершила, в чем моя вина?
На свете я красива не одна.
И если вам красавица нужна,
Попробуйте, пойдите к тем, к другим».

От этих слов взъярились палачи
И вынули сверкнувшие мечи
И крикнули: «Презренная, молчи,
Иль по-другому мы заговорим!»

Гулим глядела на врагов в упор,
Решив, что гибель лучше, чем позор.
И грозно занесла она топор
И обожгла пришельцев взглядом злым.

Так страшен был ее безумный взгляд,
Что вонны отпрянули назад.
А девушка кого-то наугад
Ударила оружием своим.

Один пришелец побелел, как мел.
Один пришелец ахнуть не успел,
Он кровью захлебнулся и осел
И на земле остался недвижим.

Их было много воинов лихих.
Убить Гулим хватило б сил у них.
Но хан красавиц требовал живых.
Задумались гонцы: что делать им?

Они уйти решили, а пока
Ударили слепого рыбака
И уходя, уже издалека,
Слова проклятья крикнули Гулим.

Как птица возле слабого птенца,
Гулим склонилась около отца.
Она обтерла кровь с его лица
Страдала, но не плакала над ним.

* * *

Ни звона пик, ни топота коней.
Прошло с той ночи шесть ночей и дней.
Гулим решила: хан забыл о ней.
Но хан опять послал своих людей.

На этот раз так много их пришло,
Что стало ночью от мечей светло.
На девушке они срывали зло.
Ее старались мучить побольней.

Они ремнем связали руки ей.
Смеялись, причиняли муки ей.
Они не дали в миг разлуки ей
С отцом проститься—с радостью своей.

Пред тем как выйти в путь, два молодца,
Чьи руки были тяжелей свинца,
Избили слабого ее отца:
Пусть не забудет до скончанья дней.

Избитого оставили его
На острове пустынном одного.
Смеялись молодцы, мол, ничего,
Коль не помрет, так станет поумней.

Прощалась с телом немощным душа.
Больной старик лежал, едва дыша.
Лишился он всего: и шалаша,
И снасти, и любимицы своей.

Теперь Гулим никто помочь не мог.
Ее вели босую без дорог.
Был путь далек, песок ей ноги жег,
И были колки остряк камней.

В столицу прибыл мрачный караван
И палачи (так повелел им хан)
Швырнули грубо пленницу в зиндан,
Который помрачней и потемней.

Гулим была в темнице не одна.
Красавица, такая ж, как она,
В одеждах порванных лицом бледна
Томилаась там уже немало дней.

Была темница их темна, сыра.
Гулим сказала: «Боль моя остра.

Но в чем, скажи, твоя вина, сестра,
Или она сродни вине моей?»

Та отвечала: «О моей вине
Не слушать бы тебе, не думать мне.
Хан повелел искать по всей стране
Таких, как мы, таких, кто постройней.

Коварем хан, и тяжело нам всем.
Страданье пало на голову тем,
Кто не лишился головы совсем,
Кого он не отправил в мир теней.

Нас было трое: я, старик отец
И мать. Но вот к нам прискакал гонец.
Он взял меня с собою во дворец.
И это было гибелью моей.

Мне хан сказал: «Ты приглянулась мне.
Ты молода, но развита вполне.
Как верной полагается жене,
Ты обними меня да поскорей».

Тиран хотел услышать мой ответ.
А предо мной померкнул белый свет.
Я стала плакать: «Мне тринадцать лет.
Великий хан, меня ты пожалей!»

Но властелин наш злобен и горяч.
Не помогли мне ни мольбы, ни плач.
Хан подал знак, и прибежал палач
И множество каких-то злых людей...

Дня через три, а может через пять
Казнили всех моих: отца и мать.
Они пришли о дочери узнать,
Да угадали в руки палачей.

Хотя увял и навсегда поблек
Мой дорогой, девичий мой цветок,
Я хану отомстить дала зарок,
Могила мне проклятых ласк милей.

Когда меня ввели к нему опять.
Я знала, что тирану отвечать.
Я мстила хану за отца и мать...
И вот я здесь страдаю много дней.

Слезами и кровью обольюсь.
Душа уйдет из тела, ну и пусть.
Пусть я умру, я смерти не боюсь.
Могила этой ямы не темней!

Пусть поскорей придет мой смертный час!»
Она умолкла, кончив свой рассказ.
Тогда Гулим, стирая слезы с глаз,
Ей рассказала о судьбе своей.

Сливались слезы их—два ручейка—
В руке одной была другая рука.
Головками поникли, два цветка,
Увявшие по воле злых людей.

Но вдруг раздался шум; в темницу к ним
Явился страж, сверкая взглядом злым.

Он подошел, взял за руку Гулим,
Сказал: «Пойдем со мной, да побыстрей!»

Ее толкнули в зал, где ханский трон.
Был хан ее красою ослеплен.
Сказал он: «Будешь первою из жен.
Ты мне ответь, согласна или нет?»

«Великий хан, я бы сказала «да»,
Но для любви я слишком молода.
Повремени немного и тогда
Возможно дам тебе другой ответ!»

Вскочил, как обожженный, властелин
И подал знак взбешенный властелин.
Пришел палач, за ним еще один,
И стали страшный свой вершить совет.

С Гулим одежды сняли палачи
И на ковре распяли палачи
Пока Гулим держали палачи.
Хан заслонил над нею белый свет.

Он на Гулим упал, был тяжек груз.
Был горек поцелуй его на вкус
И на змеинный походил укус.
Казалось, от него защиты нет.

Казалось ей: она горит в огне.
Она кричала, словно в страшном сне.
Дрожь пробегала по ее спине.
Гулим кричала и впадала в бред.

Вот так пришел к ней первый миг любви
Вдали не пели песен соловьи.
Она лежала на ковре в крови,
Без крови хан не достигал побед.

Она зачала и лишилась сил.
Уже ей кто-то саван смастерил.
Уже ее, наверно Азраил *
Считал своей по множеству примет.

Был хан великий страстью опьянен.
Гулим считал он лучшею из жен.
Хан бесновался, клял табибов** он
И собирал вазирей на совет.

Но утром на четвертый день она,
Открыв глаза, очнулась ото сна.
И показалось ей, что ночь темна,
Хоть озарял лицо ей яркий свет.

Она, припомнив, что произошло,
Все поняла: над ней свершили зло.
Еще одно виденье ей пришло.
Возник ее отец—угрюм и сед.

Гулим решила: «Мой увял цветок,
Потерянного не воротит бог.
Но мой отец в беде, он одинок
И я должна спасти его от бед.

* Азраил—ангел смерти.

** Табиб—лекарь.

* * *

К властителю Гулим, бела, как мел,
Пришла сама. На троне хан сидел.
Но, оторвавшись от обычных дел,
Красавицу спросил он: «Что с тобою?»

«Великий хан, ты пролил кровь мою.
Я ослабела, я едва стою.
Но то, что думаю, не утаю,
Перед тобою ничего не скрою.

Гордилась я своею чистотой.
Ты на моей крови устроил той.
Не пожалел ты жизни молодой.
И всех моих несчастий ты виною.

Ты, властелин, и силен и жесток.
Ты надо мною надругаться мог.
Ты грубо смял девичий мой цветок.
На миг моей пленившись красотой.

Я как-то видела змею во сне.
И вот не в полуночной тишине,
А на яву она явилась мне —
Ты оказался черною змеею.

Я стала и несчастной и больной.
За боль, за все, что сделал ты со мной,
Прошу тебя о милости одной.
Исполни—стану я твоей женою.

Есть островок, где люди не живут.
Там мой отец, страдающий от пут.
Пускай туда пойдут, его спасут,
Чтоб рядом был он с дочерью родною».

Промолвил грозный хан: «Да будет так.
Найдите старика,—он подал знак.—
Над головой твоей рассею мрак.
Твою исполню просьбу, бог с тобою!»

Для ждущих длинен день и ночь длинна.
Гулим ждала, но воц отца она
Увидела. И звезды и луна
В счастливый час зажглись над головою.

Они соединился наконец:
Дочь оскорбленная, слепой отец.
И горечь двух обиженных сердец,
Как прежде, стала горечью одною.

И всемогущий хан был тоже рад.
Свершен был вскоре свадебный обряд.
И пировали сорок дней подряд—
Таких пиров не знали под луною.

Гулим навек владыке отдана.
Была у хана не одна жена.
С Гулим их стало сорок и одна.
Гулим была последнею женою.

* * *

Сжигала хана горькая беда.
Никто из жен владыки никогда,
Как ни молились, не понес плода.
В отчаянье владыка приходил.

Тиран пятидесяти лет достиг
И пожелтел его суровый лик.
Хан от печали головой поник
И был ему весь белый свет не мил.

«Свое пред кем я сердце отопру?—
Владыка думал.—Кто, когда умру,
Наследник будет моему добру,
Слезу прольет у дедовских могил?»

Как получилось, о великий бог,
Что ты мне сына даровать не мог.
Ужель всегда я буду одинок,
За что меня ты радости лишил?

Вот я достиг пятидесяти лет.
Я смертен, я покину белый свет.
Кому оставлю все, коль сына нет?»—
Так иногда владыка говорил.

«Из сотни дев я выбирал одну.
Средь ярких звезд предпочитал луну.
Калым сполна за каждую жену
Людскою кровью щедро я платил.

Где б ни был я, все повергал во прах.
В дремучих я охотился лесах.
Скакал на тонконогих скакунах
И на перчатках соколов носил.

Мой гнев был лют, кулак мой был тяжел.
Тот, на кого я был хоть малость зол,
На вислице смерть свою нашел,
И плакал тот, кого я не взлюбил.

Найдется ли владыка под луной,
Который мог сравниться бы со мной.
Но короток до смерти путь земной.
И пропадет все то, что я скопил.

О, если (да поможет мне творец)
Сын у меня родится наконец,
Велю зарезать тысячу овец,
Чтоб знали все: я сына породил.

Но если не захочет бог помочь
И кто-нибудь из жен родит мне дочь,
Велю убить и кости растолочь», —
Так хан, бывало, близким говорил.

«Родит жена мне сына, ту жену
Я в шелк и в пух легчайший оберну.
А если дочь родит мне — я их убью.
И вновь мне станет белый свет не мил.

IV.

Прошла зима и стали дни теплей.
Летели стаи уток и гусей.
И снег уже давно сошел с полей,
С озер сошел посеребранный лед.

Казалось, небо охватил пожар.
И землю от любви бросает в жар.
Казалось, что берет она дугар
И голосом бурливых рек поет.

В те дни, когда вокруг весна цвела,
Когда душа земли была светла,
Гулим отяжелела, понесла.
Упругим, твердым стал ее живот.

Был именем ребенок наречен
Задолго, до того, как он рожден.
Гулим и остальные сорок жен
О нем молились ночи напролет.

Гулим была в волнении не одна.
Томились сорок и одна жена
Как будто каждая родить должна
И только ждет, когда же срок придет.

Гулим была печальна и слаба.
Тревожила Гулим ее судьба.
Ведь даже радость бедного раба
И та порой печаль в себе несет.

Но вот одна жена из сорока
Сказала: «Да пошлет ей бог сына.
Но тайну мы хранить должны пока.
Быть может бог сыночка не пошлет.

Мы знаем все, каков наш грозный хан.
Чуть что не так, он гневом обуян.
А если мальчик будет богом дан,
Тогда и скажем хану, пусть придет».

Вторая обратилась к остальным:
«От всех мы нашу тайну скрыть хотим.
Но если хан потребует Гулим,
Он не дитя, он сразу все поймет.

Обрадуется злой наш властелин.
Устроит той в честь будущих родин.
И если дочь родится, а не сын,
Хан и дитя и мать его убьет.

Недавно хан провел со мною ночь.
Сказала я: «Бог да пошлет нам дочь».
Разгневался, меня прогнал он прочь.
Он был горяч, стал холодней чем лед.

Давайте скажем, что Гулим больна,
Что с ханом быть больная не должна».
Так предложила всем одна жена.
«Твои слова,—сказали жены,—мед!»

«Мы тайну скрыть должны—вот наша цель.
Гулим, тебя уложим мы в постель.

Побудь больною несколько недель.
Притворство от беды тебя спасет!»

«Лежи до разрешения, Гулим.
Рассей свои сомнения, Гулим,
Устроим угощение, Гулим.
Все нужное Зару нам принесет».

Жил при гареме старичок Зару.
Носил он женам воду поутру,
Обмахивал их веером в жару.
Немало было у него забот.

Он ласков был, приветлив и умен.
Любили старика все сорок жен.
И благородный, благодарный, он
Им преданно служил не первый год.

Они всегда делились с ним едой.
И радостью делились и бедой.
И он, в тот край, заброшенный судьбой,
Поведывал им тайны в свой черед.

Тайком овцу, что спрятали вчера,
Освеживал Зару в углу двора.
И пировали жены до утра,
Забыв совсем о том, что их гнетет.

Для жен веселой эта ночь была.
Зару давал им мясо из котла.
Баранина была вкусна, бела,
Ее куски просились сами в рот.

И заклинали жены, севши в ряд.
Шептали над Гулим (таков обряд).
Как старые обычаи велят,
Гулим подарки клали на живот.

Шло время; день сменялся днем другим.
И нетерпелось женам молодым.
Все слушали, как в животе Гулим
Стучится двадцатинедельный плод.

Сказали хану, что Гулим больна.
Но не болезнь—печаль была сильна.
О будущем тревожилась она,
Не зная, что ее ребенка ждет.

Хоть не болезнь была всему виной,
Но впрямь казалась женщина больной,
Лицо ее покрылось желтизной.
Она ждала, когда же срок придет.

Она молилась: хоть бы поскорей.
А сорок жен, как сорок матерей,
Не отходили от ее дверей,
Ей песни пели, пищу клали в рот.

Семь месяцев прошло, пошел восьмой.
Рождают осенью, зачав зимой.
Уж скоро будут слезы или той—
Все сорок жен веди по пальцам счет.

Кто народится—дочка или сынок,
Никто из жен предугадать не мог.

Но все молились: «Пожалей нас бог,
Не пожалей для нас своих щедрот».

Но долгожданное настали дни.
Без суеты излишней, без возни
Зару сказали: «Юрту натяни!»
Кошмою белой затянули вход.

В просторной юрте было два кола.
На них вожжа натянута была,
Чтобы на ней роженица могла
Повиснуть и не повредить живое.

Гулим лежала в юрте, как в тюрьме.
Ее коса стелилась по кошме.
Зажав зубами стон свой, в полутьме,
Старалась ноги вытянуть вперед.

Без стога, чтоб не выдать свой обман,
Рукой в ремень вцепилась Гулимжан.
А женщины ее сжимали стан,
Чтоб выходил быстрее из чрева плод.

Ребенок медленно и трудно шел.
Для нас, людей, и первый путь тяжел
Душа Гулим кипела, как котел,
И сердце билось, как сазан об лед.

В таких мученьях (схватки длились ночь)
Могла на свет родиться только дочь.
И жены не могли Гулим помочь;
И кто ж от мук роженицу спасет?

Ребенок не спешил на белый свет.
Он как бы говорил: «Там счастья нет.
У вас и без меня немало бед.
А в чреве я не ведаю забот.

Зачем, скажи, меня рождаешь, мать?
Я не хочу рождаться, чтоб страдать.
Не наслаждаться жизнью, а рыдать.
Никто меня от горя не спасет.

В ваш тесный мир войду я, как в тюрьму.
Не радуйтесь рождению моему.
Ни радости, ни счастья никому
Рождение мое не принесет».

Роженица впадала в забытие,
Все женщины боялись за нее...
И думали: «Ужель лицо свое
Бог от нее безгрешной отвернет?»

И жены в жертву принесли овец.
Заколот был упитанный телец.
И вот Гулим вздохнула наконец,
И выступил на лбу холодный пот.

Ребенок вышел, а потом послед.
Дочь родилась. Верней не дочь, о нет,
А пери, излучающая свет,
Сопроводила плачем свой приход.

Рассматривая девочку в тиши,
Все жены ликовали от души.

Просили друг у друга суйинши*.
Шептали: «Пусть ей счастье бог пошлет!»

Очнулась обессиленная мать.
Свою кровинку стала целовать.
Гулим то улыбалась, то опять
Навзрыд рыдала: «Боже, что нас ждет?»

Но видя дочку, свет ее чела,
Мать все же удрученной не была:
«Да, я не сына, дочку родила.
Но пусть создатель счастье ей пошлет!»

Все жены хана собрались в кружок.
Все девочке дарили кто что мог:
Та золотую брошь, та перстенок—
Пусть все это на счастье ей пойдет.

Кто говорит, что женщины слабы,
Что их совет лишь слезы да мольбы?
Решали жены: что от злой судьбы,
От гнева хана девочку спасем.

Решили так: «Мы в помыслах чисты.
Завянут пусть у недругов цветы.
Пусть у друзей исполнятся мечты
И сад желаний пышно расцветет.

Пошлем мы хану радостную весть.
И у него, быть может, сердце есть.

* Суйинши—подарок за хорошую весть.

И он вершить не станет злую месть.
И дело примет нужный оборот.

Ведь дочь его прекрасней, чем алмаз.
Она для сердца радость и для глаз.
Увидит дочку властелин хоть раз,
Забудет все, к груди ее прижмет.

Как он ни злобен, как ни грозен он,
Ее красотою будет поражен».
Так порешили дружно сорок жен
И думали, что верен их расчет.

А девочка спала, бела, нежна,
Была, как пери, чудная она.
Шептали сорок и одна жена:
«Нет на земле других таких красот!»

И если б не был слеп и не был глуп,
Свою забыл бы Зулейху Юсуп*,
Когда б увидел розы этих губ,
Глаза и брови черные взлет.

Как златокудра, как лицом бела,
Глаза большие, хоть сама мала.
Пусть неба смертоносная стрела
В безгрешную в нее не попадет.

* Зулейха и Юсуп — герои древней легенды,
беззаветно любившие друг друга.

А рано утром, чуть забрезжил свет,
Опять собрались жены на совет:
Как сделать так, чтоб не накликать бед,
И чтобы хан о дочери узнал.

Решили: хан усядется на трон
И потекут к нему со всех сторон
Те, кто обижен или оскорблен.
Пусть в этот час Зару проникнет в зал.

Пусть скажет он, что вести хороши.
Поздравит властелина от души
И, поклонясь, попросит суйинши.
Зару позвали, он на зов вбежал.

Тогда во всех подробностях ему
Растолковали жены, что к чему.
«Тебе мы доверяем одному»,
Ты не прислужник наш, ты — аксакал!

«Коснись ты головой ханских ног,
Пусть льется речь твоя, как сладкий сок.
Ступай, наш вестник, да поможет бог.
Аллах на счастье нам тебя послал!»

И полы подвернув и рукава,
И подбирая нужные слова,
Посланец во дворец проник сперва,
Потом пробрался в пышный тронный зал.

Чело венчает шапка из бобра.
На ворота узор из серебра...
По заведенным правилам с утра
Великий хан на троне восседал.

Угрюмое молчанье он хранил.
То он рукою белый ус крутил,
То щеки надувал, что было сил.
Великий хан на троне восседал.

То неподвижно он глядел вперед,
То озирал, собравшийся народ
То он зевал, прикрыв рукою рот,
Великий хан на троне восседал.

На жалобщиков грозный паял взгляд,
Пред ним в халатах шелковых до пят
Вазирь, казни стояли в ряд.
Владыка молча грозный суд свершал.

А в стороне казнили бедняка.
Ему всадили в тело два крюка.
И кровь текла оттуда, где в бока
Остроконечный врезался металл

Кровавый пот стекал с его чела,
Из глаз его не слезы—кровь текла.
Бедняга, посеревший, как зола,
Отца и мать с тоскою вспоминал.

Палач махал камчею, не спеша,
Лениво кости пленника круша.

Прощалась с телом пленника душа.
Он изнемог. Палач и тот устал.

И поднялась камча еще раз пять.
Подумал пленник, что ему терять.
Решился пленник нуты разорвать,
Напрягся, застонал и разорвал.

Освобожденный пленник стгоряча
Свалил ударом наземь палача.
Вазира стукнул со всего плеча,
И, ахнуть не успев, вазир упал.

Освобожденный поднял острый меч
И начал им махать, рубить и сечь.
А чьи-то головы катились с плеч.
Отрубленных голов он не считал.

И кровь текла, как полая вода.
Придворные бежали кто куда.
Властитель понял, что пришла беда,
И убежал, трусливо, как шакал.

Несчастливого такого же, как он,
Кто тоже был безвинно обвинен
И тоже к смерти был приговорен,
Беглец освободил. Тот саблю взял.

И встали беглецы спина к спине
И стали сильными они вдвойне.
Они приперли стражников к стене
И пробежали через длинный зал.

Они сбежали с белых ступеней,
Вскочили на оседланных коней,
По крупам их стегнули посильней.
Где скрылись беглецы никто не знал.

Чтоб беглецов поймать и наказать,
Вдогонку им пустилась стражей рать.
«Лови! Держи!», а их уж не видать.
Искали целый день, да след пропал.

Зару стоял, забившись в уголок.
Он порученья выполнить не мог.
Как только стихло все, со всех он ног.
Не медля, возвоаяси побежал.

* * *

Сказали женщины: «Опасно ждять,
Хан может сам о дочери узнать.
Ты завтра же пойдй к нему опять
И начатое дело заверши.

Но ты, Зару, себя побереги.
Не забывай, что там кругом враги.
Ты сразу же обратно к нам беги,
Увидев, что дела нехороши.

И он пошел, шепча: «Спася аллах»...
Да, чувство дружбы в праведных сердцах
Сильней, чем разум и сильней, чем страх,
Красивей, чем любой порыв души!

Был в это утро хан угрюм и зол.
Он о вчерашнем думал, глядя в пол,
Он ярости в себе не поборол...
Сумрачнолицый он сидел в тиши.

Не то, чтоб он жалел убитых слуг.
Ведь он на жалость был довольно туг.
Но помнил он вчерашний свой испуг.
Страх жил еще на дне его души.

Закутанные в саваны тела.
Пока еще земля не приняла,
Склонился над убитыми мулла...
Зару предстал перед лицом наши.

Решил слуга, что жалобщик простой
Пришел к владыке с просьбою пустой.
Сказал слуга: «Куда ты прешь, постой.
Успеешь в преисподню, не спеши!»

Зару перед владыкой пал во прах:
«Я с радостным известьем на устах.
Пришел к тебе, великий падишах.
Дай за благоую весть мне суйинши!

Ты был велик, но был в тебе изъян.
Ты был бездетен, с великий хан.
Теперь тебе ребенок богом дан.
Дай за благоую весть мне суйинши!

Молился ты и слезы лил из глаз.
Просил дитя у бога каждый раз.

Твое дитя сверкает, как алмаз.
Дай за благую весть мне суйинши!

Всю жизнь была тоска твоя сильна.
Теперь, владыка, жизнь твоя полна,
Как пятнадцатидневная луна.
Дай за благую весть мне суйинши!

Великий хан, в честь радости такой
Устрой, не медля, попышнее той.
Пусть люди пьют из чаши золотой.
Дай за благую весть мне суйинши!

Ты ждал детей, а их все нет и нет.
Ты, мудрый хан, достиг преклонных лет.
Но дочка родилась на белый свет.
Дай за благую весть мне суйинши!»

Хан весь побагровел (он был горяч).
«Ты суйинши получишь, но не плачь.
А ну, быстрее вестнику, палач,
Дай суйинши—все кости сокруши!»

К бедняге подскочили палачи.
Пред ним мечи скрестили палачи.
Ремнем его скрутили палачи.
«Сейчас тебе дадим мы суйинши».

Бежала кровь, как с гор бежит поток.
Ему сдирали кожу рук и ног.
И пожалеть его никто не мог,
Услышать крик со дна его души.

Владыка ханства был в то утро лют,
Как старый разозлившийся верблюд.
«Презренный раб, пусть кровь твою прольют.
Какая весть, такой и суйинши».

Призвал к себе, не медля, хан злодей
Коварнейшего из своих людей
И злобно молвил: «Девочку убей,
А жен, ее сокрывших, устраши!»

Пусть та, что родила, сюда придет.
Ей вынем сердце и положим лед.
Пусть остальные знают наперед,
Что дочь—отрава для моей души!»

Так хан сказал и грозный бросил взгляд.
И с толстых губ слуги закапал яд.
Для палача дороже всех наград
Безумие и злость его паша.

* * *

Заплечные расправились с Зару.
Бедняга думал: «Я сейчас умру».
Он полз, изнемогая, по ковру
И оставлял на нем кровавый след.

Он долго полз. Он был в жару, в бреду.
А женщины, не зная про беду,
Смеясь, играли с девочкой в саду,
На шейку надевали амулет.

Но вот вернулся к женам их посол.
Бедняга, он приполз, а не пришел.
Он окровавлен был и полугод,
И на вопросы лишь мычал в ответ.

И жены, чтобы жизнь Зару вернуть,
Ему обмыли спину, руки, грудь.
И бедный он, оправившись чуть-чуть,
Сказал им так: «Будь проклят этот свет!

Я рассказал, что сжалившись, творец
Я пел, как соловей поет в тиши.
Смотрите—получил я суйинши.
Наш хан не человек, в нем сердца нет!

Я рассказал, что сжалившись, творец
Послал ему ребенка наконец.
Поздравил хана с тем, что он отец.
Но он не человек, в нем сердца нет.

С большим трудом добрался я сюда.
Предупредить, что вам грозит беда.
Упрячьте дочь, чтоб не нашли следа,
И отрицайте все—вот мой совет!»

Сказали жены: «Всех перехитрим».
Они больную подняли Гулим
И обмотали полотном тугим
Ее живот, чтоб скрыть печальный след.

А девочку запрятали в тайник.
Куда не проникал ни солнца блик,

Ни щебет птицы, ни погони крик.
Где темнота спасет дитя от бед.

В саду ворота заперли на крюк
И отошли. Но вдруг раздался стук,
Явился самый злой из ханских слуг.
Он в сад вошел, и стражинки вослед.

Он спросил, меча огонь из глаз:
«Которая здесь родила из вас?
Она должна сейчас (таков приказ)
Пред повелителем держать ответ!»

Сказали женщины, потушив взгляд:
«Никто здесь не родил, о старший брат.
Мы просто шуточный вершим обряд,
Играем в то, чего в помине нет!

Вот как порой мы делаем шутя.
Мы все стоим, одна лежит, кряхтя.
Как будто бы рождает, и дитя
Вот-вот появится на белый свет.

О брат, коль есть сомненья, то пойдн,
Все наши помещенья огляди,
И пусть нас ждут мученья впереди,
Коль мы сказали то, в чем правды нет!»

И бессердечнейший из ханских слуг,
Все самолично сглядел вокруг.
Работал он, не покладая рук,
Но не заметил никаких примет.

Вернулся он к тому, кем послан был:
«Великий хан, не пожалел я сил.
Сам все проверил и установил:
Твое дитя не рождено на свет.

Я посетил прекрасных ханских жен,
Оглядывал я их со всех сторон.
И потому я твердо убежден,
Что каждая пока что пустоцвет.

А тот просивший суйинши бедняк,
Наверно, сумасшедший или дурак.
Но, слава богу, он отделан так,
Что не забудет до окончанья лет!»

Хан молвил: «Вот я думаю о чем:
Ты хитростью служи мне, как мечем.
Моним любимым будешь палачом.
Ты верен мне. И помнишь свой обет!

Ты верно служишь мне и будешь впредь
За женами украдкою глядеть.
Будь похитрей, плети потоньше сеть.
Гляди, чтоб дочь не родилась на свет.

А если только обнаружится ложь,
Дознанье тотчас же произведешь.
А дочь родится—девочку убьешь.
От дочерей престолу только вред.

От радости зардевшись, как свеча,
Палач стоял, секирою стуча.

Жестокость хана—радость палача.
Палач владыке дал такой ответ:

«Не сядет дочь на золотой престол.
Среди потомства хана женский пол
Для государства худшее из зол.
И—верьте мне—причина многих бед!

Палач сказал: «Я к женам проберусь».
Палач сказал: «Я в зренья превращусь.
Еще я покажу на что гожаюсь,
Меня не проведут, я мудр, я сед!»

* * *

Палач хитер, но женщины хитрей.
И все известно стало им скорей,
Что соглядатай мрачный у дверей
Угрюмо встал с наружной стороны.

И в ту же ночь Зару, набравшись сил,
Без отлагательств к делу приступил.
Он уходил куда-то, приходил.
Он говорил: «Мы поспешать должны».

Он утешал Гулим: «Мы наш алмаз
Надежно скроем от досужих глаз.
Осталось мало времени у нас.
Мы стражников перехитрить должны.

В леяньях осторожность нам нужна.
Тогда опасность будет не страшна.

Стрелу в нас пустят—пролетит она,
Коль будем мы дружны и сплочены.

Под женским помещением был подвал.
Вернее не подвал—огромный зал.
О нем никто не помнил, иль не знал,
За исключением ханской жены.

И жены, сговорясь между собой,
Спустились в этот замок голубой.
Все вымыли, украсили резьбой,
Достали кошмы снежной белезны.

Трудились целый день и наконец
Подземный зал стал лучше, чем дворец.
В ногах ковры, по стенам изразец.
Светильник наверху светлей луны.

В уютном подземельи с потолка
Свисали вниз два золотых крюка.
И зыбка золоченая легка
Качалась плавно у одной стены.

И девочку, укутанную в пух,
Под шепот добровольных повитух
Перенесли в подвал, что слеп и глух,
Где палачи и стражи не страшны.

Остались позади препоны все.
Вздохнули жены облегченно все.
На той большой собралась жены все.
И были яства сладки и жирны.

Достали жены шелковый платок,
Колечко завязали в узелок.
Сказали жены, в тесный сев кружок:
«Мы нашей дочке имя дать должны».

Гульзар—решили девочку назвать
За то, что дочь красивая, как мать.
За то, что суждено и ей страдать,
Что ей тревожные приснятся сны.

Так девочку назвали неспроста.
Она ведь горемычна и чиста.
Гульзар, Гульзар,—печаль и красота
В прозвании твоём заключены.

Ты для цветенья рождена. Но тут
Цветы скорее вянут, чем цветут.
Ты—птица, птицам петь здесь не дают.
Здесь на страданья все обречены.

...Пир продолжался, все—и млад и стар
Желали счастья маленькой Гульзар.
Как в молодые годы, взяв дутар,
Зару коснулся пальцами струны.

Послушался дутар дрожащих рук.
И медленно потек за звуком звук.
Старик Зару играл, молчал, и вдруг
Запел средь наступившей тишины.

ПЕСНЯ ЗАРУ

Живнь улетает, я уже старик.
Чего ж я, кроме старости, достиг?
О камень билось сердце, я привык.
На муки много нас обречено.

Была на сердце рана—я терпел.
Обиды беспрестанно я терпел.
От бая и от хана я терпел.
На муки много душ обречено.

Хан погубил моих отца и мать.
Меня всю жизнь заставил он рыдать.
Когда-нибудь тирана растерзать —
Вот у меня желание одно.

Случится может быть, что я, Зару,
Не доберусь до цели и умру.
А не умру, так силы соберу
И отомщу тирану все равно.

С тех пор, как появился я на свет,
Нет счастья у меня и жизни нет.
Виновнику моих невзгод и бед
Я отомщу, коль это суждено.

Друзья, я расскажу вам о былом.
Когда-то я могучим был орлом,
А стал чижом с поломанным крылом.
Гляжу на мир в тюремное окно.

Я был ковром, ковер побила моль.
Был соловьем, его скрутила боль.
И стал верблюдом я, что возит соль.
Все солоно вокруг, накалено.

Искал я хлеба, чтоб не голодать.
Арбу искал я, чтоб откочевать.
Я ичиги искал, а где их взять?
Ходить босым мне было суждено.

Что в жизни я искал, за чем ходил,
Нигде и никогда не находил.
Я в поисках своих лишился сил,
А предо мною было все темно.

Мне душу жгли лишенья и враги.
Носил я горе, словно две серьги.
Себе шептал: мечту хоть сбереги.
Но и мечты сберечь нам не дано.

Несчастливым пастухом был мой отец.
Кляня владык, он пас, чужих овец,
Его велел повесить хан-подлец
И бросить тело в озеро, на дно.

Осиротев, рыдала в горе мать.
Проклятый хан ее велел связать.
А я остался жить и проклинать
Тех, кем в удел страданье мне дано.

Я странствовал, пришел в далекий край.
Нет хлеба, хоть ложись до помирай.

И взял меня к себе недобрый бай,
Чтоб я отары пас, молот зерно.

Пока я пас баранов и ягнят,
Увял, опал мой нерасцветший сад.
И понял я, когда взглянул назад,
Что молодость моя прошла давно.

Хозяин мой—жестокий бай Алым—
Был кровожаден, мрачен, нелюдим.
Он спуску не давал рабам своим.
Любил он кровь, как пьяница вино.

В работников своих вселял он страх,
И все мы были у него в руках.
Бить палками и вешать на крюках—
Так было у него заведено.

Мой каждый шаг богач считал виной.
Меня он плетью бил волосяной.
Потом неделю я ходил больной.
Мне было больно, а ему смешно.

Со мной беда случилась как-то раз.
Я в пятницу у речки стадо пас.
И от несчастья бог меня не спас.
Да видно так уж было суждено.

На стадо волки, злы и велики,
Напав, вонзали острые клыки
В овечьи животы и курдюки
И рвали их пушистое руно.

Потом, когда утих переполох,
Считал, не досчитался четырех,
Взмолился я: «Спаси, великий бог».
И предо мною стало все темно.

Погнал я, свету белому не рад,
Отару поредевшую назад.
Застлали слезы мой печальный взгляд.
Все было предо мной черным-черно.

Входя в аул, я поглядел вокруг.
Хозяин мой, как налитой бурдюк,
Стоял, не выпуская плетъ из рук.
Он видно ждал меня уже давно.

Потом меня куда-то волокли.
Всю ночь избитый я лежал в пыли.
Потом на ханский суд меня вели.
Все было предо мной темным-темно.

Властители рядят и судят так:
Богатый прав, а виноват бедняк.
«Повесить,—хан сказал и подал знак.—
Воров подобных миловать грешно!»

Меня от смерти спас один хаким,
Не потому, что добрым был таким,
Чтоб сделать грешника рабом своим.
А рабство лучше ль гибели оно?

Пред ханом он земли коснулся лбом,
И вот я вечным стал его рабом.

Он бил меня и попрекал куском,
И мучиться мне было суждено.

Но господин мой умер и тогда
Попал я по случайности сюда.
А здесь меня не стерегла беда.
Мне встретить счастье было суждено.

Любовь друзей, быть может в первый раз,
Мне довелось узнать, живя среди вас.
Все ради вас отдам я хоть сейчас.
Жизнь или смерть теперь мне все равно».

...Рассказ свой, начатый издалека,
Окончил он; да, жизнь была горька.
И женщины жалели старика,
Они привыкли к старику давно.

Он, может, был любимей, чем отец
Для юных жен, попавших во дворец.
Он был отрадой бедных их сердец.
Они привыкли к старику давно.

* * *

Зару свои печали позабыл.
Он добровольно, не жалея сил,
И стражем девочки и нянькой был.
Он заменял ей нежного отца.

Он девочку заботливей чем мать
Качал, когда ей надо было спать,

А просыпалась, он качал опять,
Ей заменял и няньку и отца.

Ни голода не знал он, ни нужды.
Пред ним лежали зрелые плоды,
Хлеб и кувшины полные воды.
За что старик благодарил творца.

Когда кругом стихало, в час ночной
Все жены к девочке своей родной
Спускались осторожно, по одной,
Под своды потаенного дворца.

И там глаза блестели—сорок пар—
Ласкали жены бедную Гульзар.
Свое тепло ей приносили в дар
И отдавали ей свои сердца.

Она светилась, словно огонек,
И оглашала смехом свой чертог.
Журчала, как растаявший снежок.
Она звенела звонче бубенца.

Была она красива и нежна.
Была светлей, чем солнце, и луна.
И все же в подземелье желтизна
Уже коснулась нежного лица.

А время быстро движется, не ждет.
Со дня рожденья дочки минул год.
Стал у другой жены расти живот,
И ждали все счастливого конца.

Ни сорок жен, ни будущая мать
Не стали милости от хага ждать.
А женщину заставили лежать.
Все скрыли от властителя двorca.

За ней ходили все, как за Гулим.
Желали, чтоб ребенок был большим,
Чтоб был всегда здоров и невредим,
Чтоб стал истом мудрее мудреца.

Ей, как Гулим, старались все помочь.
Срок подошел, и вот однажды в ночь
Еще одна на свет явилась дочь.
И снова в жертву принесли тельца.

Зару в подвале спрятанный, в тиши,
Узнав об этом, рад был от души.
За вестъ благоую дал он суйинши.
Смахнул слезинки с дряблого лица.

В гареме повторилось все опять.
Была счастливой молодая мать.
Ее все жены стали поздравлять,
Благодарить за милости творца.

И эта дочь (будь славен божий дар)
Была еще красивей, чем Гульзар.
И дали имя девочке Анар
За тихий нрав и красоту лица.

Обмытую руками повитух,
И эту дочку обернули в пух.

Теперь Зару стал нянчить сразу двух,
Им заменять и няньку и отца.

VI.

Минуло много лет и много бед.
Зару совсем стал немощен и сед.
Исполнилось Гульзар пятнадцать лет,
Тринадцать исполнилось Анар.

Они красивы были, но бледны.
«За что мы здесь весь век сидеть должны?
За что мы здесь во тьме заключены»
От этих мыслей их бросало в жар.

И девочки однажды не спроста
Сказали старику: «Зару-ата,
Быть может наша мысль глупа, пуста,
Но объясни нам, ты ведь мудр и стар.

Нам минуло уже немало лет,
А мы не знаем, есть ли в мире свет.
Проходит где-то жизнь, а нас там нет.
Зачем нам жизнь дана аллахом в дар?

В тюрьме томимся мы, а жизнь вокруг,
К нам не доходит посторонний звук.
Живем мы здесь и нет у нас подруг.
Зачем нам жизнь дана аллахом в дар?

Когда не помним, но давным-давно
Попали в подземелье мы, на дно.

За что, скажи, нам это суждено,
Зачем нам жизнь дана аллахом в дар?»

В ответ на это зарыдал Зару.
Сказал: «Сейчас я щеки оботру».
Сказал: «Сейчас я мысли соберу.
Сейчас ко мне вернется слова дар!»

И вспомнил он все злоключенья их
С далеких лет, со дня рожденья их.
Про ханский гнев, про положение их
Все рассказал, он не смягчил удар.

И стали плакать девушки навзрыд:
«Что ждет нас в жизни, что нам предстоит?»
Зару молчал; и сам он был убит,
И у него внутри пылал пожар.

И девушки сказали: «В царстве тьмы,
Зачем от матерей родились мы?
Наш темный мир куда тесней тюрьмы.
Нас прячут, как украденный товар.

Пришла одна, потом другая мать.
Несчастливых дочек стали утешать.
Чтоб их развеселить, Зару опять
Взял в ласковые руки свой дутар.

* * *

Спустились как-то до ночного сна
Вниз, к дочкам сорок и одна жена,

Гульзар пошла навстречу им, она
Сказала: «Мы вас просим об одном!»

Здесь, в подземелье, стосковались мы.
Позвольте выйти нам из этой тьмы,
Покинуть стены мрачные тюрьмы.
Мы погуляем и опять придем!»

Гульзар сказала: «Бог нас сохранит,
А встретимся с отцом, отец простит.
В чем дочерей своих он обвинит,
За что осудит, заподозрит в чем?»

Его согрел наш дочерний взгляд,
И сам он этой встрече будет рад,
Поймет он, что во многом виноват,
Когда ему расскажем обо всем».

Сказали жены: «Это их мечта,
Она небезопасна, но чиста».
И распахнулись тайные врата,
И вышли в город девушки вдвоем.

От красоты их стала даль светла,
И жители решили: ночь прошла
И надо приниматься за дела,
Как бедным людям подобает днем.

И люди встали, отряхая сон,
И видят: мир не селищем озарен,
Чудесной красотой двух юных жен
Мир божий ярко озарен кругом.

И многие упали к их стопам,
Еще не веря собственным глазам,
И так сказали: «Прикажите нам,
Скажите слово, мы за вас умрем!»

Все выбегали из своих ворот,
Стеной красавиц окружил народ.
А девушки вперед, вперед, вперед,
Шли, пробираясь чрез толпу с трудом.

Дивились ими все и млад и стар.
«Кто вы—спросили люди у Гульзар.
Иль может быть аллах чудесный дар
Дал грешникам, чтобы отнять потом?»

И девушки сказали наконец:
«Властитель ваш—наш истинный отец,
Мы только что покинули дворец,
Где много лет мы прожили тайком».

Тогда какой-то ловкий человек,
Чтоб милость хана обрести на век,
К властителю примчался и изрек:
«Свершилось чудо в городе твоём!»

Владыка в сад явился, где Гульзар
Играла, пела, в руки взяв дутар.
И грел людей ее сердечный жар,
И озарялось светом все кругом.

Великий хан был чудом поражен.
Таких прекрасных он не видел жен.

И обомлел на миг, и замер он,
И весь греховным запылал огнем.

Заулыбались девушки: «Отец,
С тобой мы увидались наконец!»
Они излили боль своих сердец,
Все рассказали о пережитом.

Но хан не слушал дочерей своих,
Он к девушкам шагнул, он обнял их
И, не стыдясь ничуть людей чужих,
Гульзар поникшей приказал: «Пойдем!»

Ее коснувшись, стал он, как шальной,
Он злобно закричал: «Пойдем со мной.
Не дочерью мне будешь, а женой.
Поговорить успеем и потом!»

Гульзар сказала: «Вешай на столбе,
Не слушай стонов, не внемли мольбе,
Не буду все равно женой тебе
Я ни на этом свете, ни на том.

Чем быть женою своего отца,
Терпеть мне лучше муки без конца.
Под сводами подземного дворца
Мне лучше бы забыться вечным сном».

Тогда владыка крикнул палачам:
«Отдайте падаль на съеденье псам!»
Что делал, вряд ли понимал он сам.
Тиран ужасен в гневе был своим.

И обступили псы ее в кружок,
Как будто перед ними их щенок.
И ласково ее касались ног
Кто мордою лохматой, кто хвостом.

Они скулили, но не как всегда,
А будто говорили: «Никогда
Наш род тебе не причинит вреда,
А хана пусть сразит небесный гром».

Не мог властитель гнева побороть
Дитя родное, собственную плоть
Велел он мучить и плетью пороть
И отвести в дремучий лес потом.

На руку намотав ее косу,
В лес потащили девушку-красу,
Избитую, оставили в лесу,
Чтоб волк голодный съел ее живьем.

* * *

Старик Зару по милости небес
Схватил Анар и с ханских глаз исчез.
Они вдвоем помчались в дальний лес
По тропкам нелюдимым и глухим.

Они скрывались на лесном лугу,
У речки на забытом берегу.
И страшно было им попасть к врагу,
И страшно было им в лесу одним.

На самой дальней из лесных полян
Богатыри раскинули свой стан.
Те два, которых испугался хан
В дворцовом зале, в день родов Гулим.

Пятнадцать лет для них прошли не зря.
Огнем святого мщенья горя,
Сбирали силу два богатыря
И ныне войском обросли большим.

Богатырей узнал Зару старик,
Увидел, побежал к ним напрямик.
Он обнял их, он к их губам приник,
Поведал обо всем друзьям своим.

В рассказах ночь прошла, а поутру
Пошел по лесу побродить Зару.
А там Гульзар без памяти, в жару
Под деревом лежала вековым.

Избитая, она была без сил.
Зару ее лекарством напоил,
Он умирающую оживил,
Он был заботлив и неутомим.

И вскоре, среди друзей в тени дерев
Гульзар очнулась, боль преодолев,
И вместе с жизнью к ней вернулся гнев.
Любовь вселилась в сердце вслед за ним.

И старшему из беглецов Гульзар
И душу отдала и сердце в дар.

А младшему понравилась Анар.
И дал Зару благословенье им.

Желали счастья им и долгих лет.
Всю ночь был пир, а чуть забрезжил свет,
Богатыри собрались на совет:
Как им расправиться с тираном злым?

И выступили воины в поход.
Шел вместе с ними весь простой народ.
Они достигли городских ворот.
Запыхал огонь и взвился дым.

И так сердца их были горячи,
Так стрелы метки и остры мечи,
Что стражи ханские и палачи
Иль удирали, иль сдавались им.

Со всех сторон дворец был окружен.
А вскоре и совсем освобожден.
Свободны стали сорок ханских жен,
Свободна сорок первая — Гулим.

Хан спал, не зная, что грядет беда,
Возмездья час и правого суда,
Что гаснет яркая его звезда,
Пришли батыры, чтоб покончить с ним.

Они достигли цели наконец,
Свершили, что хотели наконец.
И мы дастан допели наконец,
И тех, кто слушал нас, благодарим!

Стр.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Моя жизнь	11
Мои глаза	17
Не дает	19
Не знаю	21
Разве ушедший вернется?	23
Помоги нам	25
Когда-нибудь	29
Лето придет ли?	34
Мой бык	37
Налог	39
Невестка	42
Кажется	45
Не было	48
Я знаю, молодость — полет	50
Жизнь	52
Дай теперь!	54
Тяжкое время	56
Не посмотрит	59
Ты поглядел бы на себя	61

Не горюй!	63
На тое	65
Знайте	67
В этом году	69
Я увижу	72
Лучше	74
Для народа	77
Я искал	83
Мой сын	86
Глушцом не будь	89
Мне нужны	91
Шесть девушек	93
Хан-самодур (поэма)	97

Редактор *М. Нурмухамедов* Техредактор *А. Г. Павлов*

Сдано в набор 22|XI 1957 г. Подписано к печати 10|XII 1957 г.
 РК 41561. Формат бумаги 70×92 ¹/₃₂ Печатн. листов 5,125.
 Условных печ. л. 6,0. Учетно-издательских листов 7,84.
 Тираж 10.000. Цена 5 руб. Каракалпакгиз, г. Нукус,
 ул. К. Маркса 3.

Нукусский полиграфкомбинат Управления полиграфиздата
 Министерства Культуры ККАССР.
 Заказ № 252.